

1918 83
15. 87
28. 84

НЕ ПОКРЕЩЕНО



93
84

АЛЕКСАНДРЪ ЗАКРЖЕВСКИЙ

201-13
2176

РЫЦАРИ
БЕЗУМІЯ
(ФУТУРИСТЫ)

1914.

Книги Александра Закржевскаго:

Сверхчеловѣкъ надъ бездной. (Религія подвига. — Мистика жизни и смерти. — Психологія самоубійства). Кіевъ. 1911 г. Цѣна 1 рубль.

Подполье. Психологическія параллели. Книга I.-я. (Достоевскій, Леонидъ Андреевъ, Ѳеодоръ Сологубъ, Левъ Шестовъ, Алексѣй Ремизовъ, Мих. Пантюховъ). Кіевъ. 1911. Изд. журнала «Искусство». Цѣна 1 рубль. (распродано, печатается второе изданіе).

Карамазовщина. Психологическ. параллели. Книга II. (Достоевскій, В. Брюсовъ, В. В. Розановъ, Мих. Арцыбашевъ). Кіевъ, 1912. Изд. журн. «Искусство». Цѣна 1 руб. (распродано).

Религія. Психол. параллели, кн. III. (Достоевскій, З. Гиппиусъ, Д. Мережковский, Н. Минскій, С. Булгаковъ, Н. Бердяевъ, В. В. Розановъ, Андрей Ѳлвй, Вяч. Ивановъ, Ал. Блокъ, Алекс. Добролюбовъ). Кіевъ. 1913. изд. журнала «Искусство». Цѣна 2 рубля.

Лермонтовъ и современность. (вѣйдеть вѣ октябрѣ 1914 г.).

Одинокій мыслитель. (Константинъ Леонтьевъ). Печатается.

T 93
84

АЛЕКСАНДРЪ ЗАКРЖЕВСКІЙ.

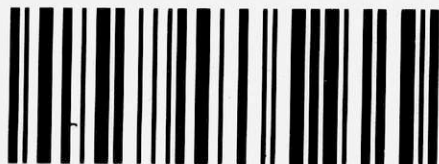
2.

РЫЦАРИ БЕЗУМІЯ.
(Футуристы).

1914.



К І Е В Ъ.
Типографія Акц. О ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ”.
1914.



2011123847

«О, братья мои, раз-
бейте, разбейте старья
скрижали!»

Ницше.

«Поэты - футуристы!
Я научилъ васъ ненави-
дѣть библіотеки и му-
зеи. Это для того, что-
бы приготовилъ васъ не-
навидѣть Разумъ, пробудитъ въ васъ божествен-
ную интуицію...

...«Мы освободимъ че-
ловѣка отъ идеи смерти
(слѣдовательно, отъ са-
мой смерти), этого выс-
шаго опредѣленія логи-
ческаго разума!»

Маринетти.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая работа о футуризмѣ представляет докладъ, читанный мною въ Московскомъ Литературно-Художественномъ Кругѣ 17 декабря 1913 года.

Главная моя задача—дать общій очеркъ футуризма, въ особенности футуризма русскаго, и выяснитъ зависимость его отъ символизма.

Изъ русскихъ футуристическихъ теченій наиболѣе определенное и законченное выраженіе получилъ «эго-футуризмъ», которому и посвящена большая часть моего очерка.

«Кубо-футуризму» («Гилея»), я удѣлилъ менѣе вниманія, отчасти потому, что въ

то время, когда писалась настоящая работа,—позиція «гилейцевъ» не совсѣмъ еще опредѣлилась, и наиболѣе типичнымъ ея выразителемъ былъ одинъ А. Крученыхъ. Среди «гилейцевъ» есть нѣсколько оригинальныхъ талантовъ (В. Хлѣбниковъ, Давидъ Бурлюкъ), но само это течение настолько еще хаотично и загадочно, что трудно отличить въ немъ истину отъ мистификаціи.

Хотя противорѣчіе между яркой программой футуризма и не совсѣмъ удачнымъ ея выполнениемъ,—слишкомъ замѣтно; хотя можетъ статься, что футуризмъ, выдающій себя въ искусствѣ за нѣчто совершенно новое — окажется ничѣмъ инымъ, какъ гальвѣйшей формацией декагенства и символизма,—все же, въ этомъ направлении есть много жизненнаго, оригинальнаго и смѣлаго, представляющаго богатый матеріалъ для критиковъ и психологовъ.

Меня лично заинтересовала въ футу-

ризмъ та его сторона, въ которой онъ является творчествомъ всеразрушающимъ, посылающимъ грозу и свирѣбныя жала молніи на все, что до сихъ поръ считалось нерушимымъ и должнымъ.

На мой взглядъ—футуристы замѣчательны не какъ люди искусства, не какъ художники и поэты, а какъ огненные безумцы и безстрашные разбиватели скрижалей, на которыхъ тяжелая рука времени начертала свою мертвую ложь.

Александръ Закржевскій

12 марта 1914
Кіевъ.

I.

И въ жизни, и въ литературѣ мы переживаемъ печальную эпоху конца... Для внимательныхъ и тонкихъ людей уже стало истиной сознаніе, что мы исчерпали себя, выдохлись, померкли, что старыя пути уже не удовлетворяютъ насъ, а новыхъ не можемъ найти, что слово износилось, выродилось и обезвкусилось до тошноты, что мысль состарилась и потускнѣла, что жизнь съ ея прошлымъ и настоящимъ, съ ея культурой и эволюціей кажется намъ лишь гурманящимъ сномъ безъ пробужденія!..

Мы словно дошли до предѣльной черты, за которой хаосъ и мракъ невѣдѣнія, эта конченность поражаетъ наблюдателя нашихъ дней, онъ приходитъ къ выводу, что положенный кругъ бытія стремится сомкнуться, а можетъ быть уже и замкнутъ... Прислушайтесь къ голосамъ вокругъ—и вы поймете, что настало время всеобщей ликвидаціи. Все огрѣхлѣло, все рушится, все требуетъ или починки, или разрушенія. Выдохлись старыя идеи и цѣнности, износились и увяли нѣкогда великія, теперь пошлыя и усталыя слова, потускнѣли и померкли возможности, человѣкъ утратилъ вѣру въ жизнь, ибо не нужна она ему, ибо все, что могла

дала она ему—уже гала, осталась лишь одна горькая скука и пресыщеніе... Жизнь нечѣмъ, стремленіе избавиться отъ жизни переросло самое жизнь. Старый міръ конченъ.

Въ литературѣ неудовлетворенность старыми формами, неискренность, слабость, бездарность и слѣпая пошлость взрываютъ апатию у читателей, литература кончилась, больше литературы не надо, да ея и нѣтъ, есть «литературщина», ремесленная фальсификація, бумагопроизводство, литературный блудъ, книга не радуетъ читателя, современная книга бездушна, слѣпа, безкрыла, тяжела и, помимо бездарности, не нужна... Книга ищетъ читателя, а не чи-

мателѣ—книгу, читателѣ же проходитѣ мимо книгѣ, ему надоѣли книги, именно потому, что въ нихѣ все мертво и ничто не радуетѣ душу новѣми возможностями, — и читателѣ—усталѣй, съ трудомѣ преодолѣвая сонливую скуку, — стремится прочѣ отѣ бумажнаго царства, къ покою, въ царство безмолвія, къ грезамѣ безѣ словѣ...

Человѣкъ пережилѣ литературу, онѣ ушелѣ далѣше литературы въ своихѣ потребностяхѣ и исканіяхѣ, для него слово—звукѣ пустой, онѣ ищетѣ наглаголеснаго выраженія и отклика, онѣ ищетѣ чуда, онѣ хочетѣ звуковѣ, мелодій, настроеній, намековѣ. Онѣ уходитѣ въ одиночество отѣ людей и рынка, онѣ

привыкъ видѣть въ литературѣ друга, а она, оказывается, злѣйшій его врагѣ, она не понимаетѣ его души, она томитѣ ее дряхлою гнилью празднословія и пустоты, она вмѣсто жизни даетѣ ему смерть и тоску конца—и человѣкъ ненавидитѣ печатное слово и не вѣритѣ ему, ибо знаетѣ, что эта ложѣ выдохласѣ и утратила свой врачующій и нѣжный ароматѣ.

Въ русской литературѣ на нашихѣ глазахѣ завершиласѣ эпоха символизма, начавшаяся около восемнадцати лѣтъ тому назадѣ, почти что вчера мы почувствовали конецѣ господствующей литературной школы, она болѣе не принеситѣ намѣ ни трепета, ни удивле-

нія, ни интереса, она умерла естественной смертью—и, можетъ быть, оттого именно стало безсильнымъ и мертвымъ слово, что оно потеряло свою свѣжесть, свое обаяніе и силу, что привычныя средства производятъ впечатлѣніе изсякли, опошिलाсь тайна творчества и испорченъ механизмъ литературной техники. Мы находимся на грани, что смѣнимъ символизмъ, мы не знаемъ. Временная побѣда реализма насъ не трогаетъ, и хотя апологеты его вопятъ, что этотъ новый, якобы опрозраченный и кристаллизованный реализмъ долженъ соответствовать потребностямъ современности,—мы этому не вѣримъ, такъ какъ этотъ новоиспеченный

реализмъ такъ же мертвъ, бездушенъ и нуденъ, какъ и тотъ старый, съ которымъ приходилось бороться символизму. Наряду съ неореализмомъ появилось въ русской литературѣ, какъ говорятъ огни—весьма неожиданное направленіе, а по моему мнѣнію—весьма естественное и цѣлесообразное—футуризмъ. Эта новая литературная школа только что встала на ноги, почти на дняхъ организовалась, еще не умѣетъ ходить, еще не говоритъ, а мычитъ и лепечетъ, а уже завоевала всеобщій интересъ и вниманіе. Съ каждымъ днемъ успѣхъ футуристовъ растетъ и растетъ, въ литературныхъ кругахъ только о немъ и разсуждаютъ, всѣ толстые

журналы посвящаютъ этому направ-
ленію статьи, литература футу-
ристовъ раскупается нарасхватъ,
нѣкоторыя книги уже распроданы и
ихъ невозможно достать, въ столи-
цахъ организуются публичные ди-
спуты футуристовъ и спектакли,
распространился слухъ, что стихи
футуристовъ будутъ танцевать
Дунканъ, словомъ это, еще въ про-
шломъ году не вѣдѣвшее извѣстное
даже по наслышкѣ направленіе, те-
перь входитъ въ моду и имѣетъ
шумный успѣхъ... Если даже это
успѣхъ скандала, то и тогда футу-
ристамъ смущаться нечего, вѣдь все
новое, особенно въ Россіи, начина-
ется скандаломъ, а кончается или
лаврами, или полнымъ забвеніемъ...

Публика, смертельно соскучив-
шаяся на бездарной и истлѣвающей
стряпнѣ современныхъ писателей,
набросилась на футуристовъ, какъ
на новую пряную приправу, какъ
на острое и соленое кушанье послѣ
приторно сладкихъ блюдъ, нѣкото-
рымъ просто хочется посмѣяться,
а такъ какъ юмористы больше не
смѣшались, то ихъ замѣнили футу-
ристскія изданья, это для любите-
лей смѣха и развлечения нѣчто по-
лучше Аверченка... Словомъ — заин-
тересованность полная и общая.
Критика еле поспѣваетъ за пуб-
ликой. Критикъ вообще въ данномъ
случаѣ выпала трудная роль: кромѣ
насмѣшекъ, вышучиваній, остроум-
ныхъ и глупыхъ выхонокъ по адресу

футуристовъ, она не претендуетъ на большее, впрочемъ на то она и критика, чтобы покорно и рабски плестись за литературой и ждаться, куда вътеръ подуетъ...

То, что дали до сихъ поръ русскіе футуристы—мнѣ кажется—если не заслуживаетъ полной и окончательной оцѣнки, то во всякомъ случаѣ,—серьезнаго и объективнаго отношенія. Въсѣ какъ бы то ни было,—а это все—плоды *творчества*, м. б. незрѣлые, м. б. неудачные плоды, но все же въ нихъ — отпечатокъ творческихъ усилій, исканій, молодыхъ порывовъ, въ нихъ бродитъ бурное вино, все это не напрасно, все это говоритъ, что въ этомъ что-то

есть, вотъ почему, помимо насмѣшекъ, здѣсь нужно и вниманіе...

Интересно выяснитъ какъ происхожденіе футуризма, такъ (равно его сущность, программу и стремленія, а также психологическія основны творчества футуристовъ, связанныя съ ихъ задачами, реформами и попытками сказать новое слово...

Какъ и всѣ наши литературно-художественныя направленія—футуризмъ мы унаслѣдовали отъ Запада... Но въ то время, какъ наши другія школы привились у насъ нѣсколько преждевременно, футуризмъ пришелъ какъ разъ во время. Онъ появился въ то время, когда литература выдохлась, когда вмѣ-

смѣ съ жизнью умерло искусство, когда мы исчерпали себя и стали ждѣть и томиться въ поискахъ чего то новаго, еще несознаннаго, но нужнаго, необходимаго для нашего творчества... Въ эпоху конца и безсилья, на самомъ краю пути, тамъ, гдѣ начинается мракъ невѣдѣнія,—футуризмъ появился съ факеломъ, какъ вѣстникъ новыхъ идей и стремлений, какъ первая туча грядущей бури... Футуризмъ принесъ въ нашу затхлую и склепную атмосферу «литературщины», ремесленничества, вырожденья и заупокоенья что-то весеннее, свѣжее, во всякомъ случаѣ волнующее, онъ заронилъ золотой лучъ будущаго въ стоячее болото настоящаго, онъ

наполнилъ воздухъ шумомъ и грохотомъ западныхъ городовъ-чудовищъ, ревомъ автомобилей, молніями звуковъ, шумовъ, бѣготни, прыжковъ, онъдохнулъ на насъ богоростью смѣлыхъ устремлений, оглушилъ барабаннымъ боемъ, просвистѣлъ бичемъ вызова и дерзанья, на тусклыхъ равнинахъ, гдѣ стелется неподвижный туманъ тоски—замелькали зигзаги головокружительныхъ прыжковъ этихъ неутомимыхъ борцовъ, плясуновъ, акробатовъ, на мѣсто русской задумчивости и лѣнивой скуки была поставлена американская изворотливость, энергія, мужество и вызовъ, не останавливающийся въ средствахъ передъ кулакомъ и пощечиной, и

какъ символъ будущаго—закачался
надъ гнилыми зданьями, охваченный
пламенемъ молодого бунта—аэро-
планъ...

II.

Западный футуризмъ предста-
вляетъ нѣчто совершенно против-
ное русскому духу и творчеству,
въ немъ много шума, много дви-
женія, ритма, энергии, рпутьи, пѣ-
нистости, кипучести, это не столь-
ко западное явленіе, сколько соб-
ственно американское (по духу), хо-
тя и возникшее на европейской поч-
вѣ... Кромѣ того—въ западномъ
футуризмѣ много грубой рекламы,
хулиганства и гаерства, но все это
возникло какъ разъ во время, ибо
и на Западѣ догматизмъ настолько
упрочился и заплѣсневѣлъ, что на

немъ стали уже расти грибы—и царство тлетворнаго гніенія душило духъ въ тискахъ мѣщанства, клерикализма, вырожденія и измельчанія... Творецъ футуризма—итальянскій поэтъ Маринетти—воплощаетъ въ себѣ всѣ элементы и особенности новой школы. Онъ именно—олицетвореніе той ртуті молодого бунта, который такъ нуженъ погрязшей въ сонъ культурнаго отупѣнія Европѣ, больше нуженъ, чѣмъ Россіи. Молодой богачъ, обладатель многихъ талантовъ, а также таланта жизни, который отсутствуетъ обыкновенно у писателей,—Маринетти сталъ разбрасывать по Европѣ пламенные языки новаго литературнаго крещенія,

онъ организовалъ школу въ Италіи, въ Миланѣ имѣется у него богатый дворецъ, находящійся въ распоряженіи у футуристовъ; здѣсь происходятъ ихъ собранія, жизнь цвѣтетъ экзотично и красиво, какъ въ сказкѣ, отсюда распространяется по свѣту роскошный журналъ футуристовъ *Poesia*, насчитывающій 30 тысячъ подписчиковъ, здѣсь пишутся зажигательные манифесты и закипаетъ молодое вино новой жизни въ бурныхъ попойкахъ и оргіяхъ... Съ быстротой молніи футуризмъ перебрасывается изъ Италіи во Францію, а отсюда—въ Англію, Германію, въ числѣ футуристовъ находятся молодые силы Италіи, поэзія футуристовъ привлекаетъ всеобщее

вниманіе художниковъ и поэтовъ...*)

*) Изъ современныхъ Итальянскихъ футуристовъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе. Поэты: Маринетти, вождь футуризма, пишущій свои стихи и на французскомъ языкѣ, Паоло Буцци, Палацески, Кавакіолли и другіе. Изъ художниковъ обращаютъ на себя вниманіе: Умберто Боччйони (онъ же и скульптуръ), Карра, Русолло, Балла и Северини. Въ своемъ манифестѣ эти реформаторы живописи требуютъ полного уничтоженія «ню», борятся противъ перспективы и пространства, заявляя, что одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть изображенъ на полотнѣ одновременно въ различныхъ своихъ частяхъ. Футуристская музыка ярко выражена въ лицѣ даровитаго молодого композитора Балила Прателла. Въ своемъ манифестѣ онъ требуетъ закрытія консерваторій и полной свободы творчества. Композиторъ

На скрижаляхъ футуристовъ лавкой и горячей рукой Маринетти, начертаны слѣдующіе лозунги, въ которыхъ заключается сущность и задачи новаго направленія: «1) любовь къ опасности, энергія и дерзость, 2) мужество и отвага, какъ элементы поэзіи, 3) противъ неподвижности и экстаза, господствующихъ въ литературѣ, футуристы выставляютъ движеніе, лихорадочную бессонницу, бѣглый маршъ, *salto-mortale*, пощечину и кулакъ. 4) Они утверждаютъ, что великолѣпіе міра обогатилось новой красотой—красотой быстроты. Ноночдолженъ выразить въ своей музыкѣ *говоръ природы* во всей сложности послѣдней, со всѣми ея контрастами.

ный автомобиль, автомобиль рыва-
ющий, который кажется бѣгущимъ
по картечи, онъ прекраснѣе само-
оракійской Побѣды. 5) Человѣкъ,
правляющій маховымъ колесомъ, неви-
димая ось котораго пронзаетъ зем-
лю, — вотъ идеалъ футуристовъ.
6) Въ борьбѣ нѣтъ красоты. По-
эзія должна быть дерзкой атакой
противъ силъ невѣдомыхъ, чтобы
заставить ихъ преклоняться предъ
человѣкомъ. 7) Мы хотимъ сор-
вать таинственныя двери невозмож-
наго. Время и пространство умер-
ли вчера. Мы живемъ въ абсолют-
номъ. 8) Мы хотимъ прославить
войну—единственную гигиену міра
—милитаризмъ, патриотизмъ, раз-
рушительный жестъ анархистовъ,

прекрасныя идеи, ради которыхъ умираютъ, и презрѣніе къ женщинѣ.
9) Мы хотимъ уничтожить музеи,
библіотеки, академіи всѣхъ родовъ
и бороться противъ всякой трусо-
сти оппортунистической и утили-
тарной. 10) Мы воспоемъ толпу,
возстаніе во имя труда, наслажденія,
или бунта, мы воспоемъ многоцвѣ-
тныя и многозвучныя приливы и от-
ливы революціи въ современныхъ го-
родахъ; мы воспоемъ ночное /грожаніе
арсеналовъ и верфей, заливаемыхъ мо-
гучимъ свѣтомъ электрическихъ
лучей; жадныя станціи, мосты, ко-
рабли, широкогрудые /локомотивы,
и скользкій полетъ аэроплановъ,
винты которыхъ трепещутъ по
вѣтру, будто знамена... **)

Новое направление проникаетъ въ живопись, гдѣ извѣстно подъ именемъ кубизма, оно стремится въ музыкѣ замѣнить звуки шумами и создать симфонію, состоящую изъ однихъ шумовъ, для каковой цѣли построенъ уже спеціальныи театръ... Новыя скрижали футуристовъ багровѣютъ заревомъ молодости, порывомъ впередъ, желаніемъ въ настоящемъ творить буду-

**) Въ чисто технической части итальянскій футуризмъ выставляетъ слѣдующія положенія: 1) надо уничтожить синтаксисъ и знаки препинанія 2) упразднить прилагательныя и нарѣчія, 3) уничтожить психологизмъ въ литературѣ. 4) интуиція—единственное средство для художника. (См. «Манифесты Итальянск. футуризма» въ переводѣ В. Шершеневича).

щее, презрѣніемъ ко всякой догмѣ, ко всему архаическому, ко всему тормозящему колесо прогресса, «молодость, молодость прежде всего!»—кричатъ ихъ звонкія голоса, «когда мы достигнемъ сорокалѣтняго возраста, другіе люди, моложе и сильнѣе насъ, пусть бросятъ насъ въ корзины, какъ негодныя рукописи. Мы хотимъ этого.»

Таково *credo* западныхъ футуристовъ, получившее подъ перомъ Маринетти столь блестящую форму. Въ этомъ основа футуризма, но этой краткой программой онъ не ограничивается, онъ растетъ не по днямъ, а по часамъ—и каждая суорога роста сопровождается новыми манифестами, но бѣгъ самого лите-

ратурного направленія опережаетъ теорію, послѣдняя далеко не исчерпываетъ сущности футуризма, ибо онъ—сама жизнь, само движеніе, сама радость и блаженство просвѣпающагося подъ поцѣлуями солнца юноши... Куда онъ бѣжитъ, къ чему онъ придетъ? это неизвѣстно. Онъ прыгаетъ, скачетъ, борется, опрокидываетъ культурныя игрушки, ломаетъ ихъ, преодолеваетъ легкими и гибкими скачками всѣ заставы и препятствія, и несетъ все впередъ, все впередъ, съ быстрою молніею, увлекая за собой жизнь... Такъ рождается въ тусклыхъ даляхъ Аполлонъ новой зари—молодой богъ, сильный и гибкій, увѣнчанный гроздьями винограда,

прекрасный и стремительно-быстрый... Послѣ мертвого оступенья въ эстетическомъ трансѣ, послѣ догматическаго модернизма и зловѣщаго предсмертнаго затишья, это новое явленіе кажется нужнымъ и значительнымъ, оно должно встряхнуть старый міръ могучимъ обаятельствомъ, оно должно освободитъ человѣческую душу отъ узъ и цѣпей, оно должно даровать ей свободу отъ долгой спячки и приблизитъ къ выдохшемуся и ненужному кладбищу настоящаго великолѣпный, полный звона, полный блеска и свѣта, чарующій новыми зданьями, городъ будущаго.

Футуризмъ чисто литературное направленіе, но то, что онъ

поставилъ себѣ задачей, оставляетъ далеко за собой рамки искусства и даже, какъ это ни странно—пытается подкопаться подъ фундаментъ, на которомъ стоитъ искусство... Въ этомъ жизненности футуризма. Но что сдѣлаетъ футуризмъ значительнымъ явленіемъ—это именно его устремленность къ будущему, безумная мысль сдѣлать переворотъ во вселенной, сдѣлать возможнымъ воплощеніе будущаго въ настоящемъ и во имя этого будущаго сжечь, испепелить, схоронить и разрушить подгнившія зданья настоящаго. Если футуризмъ разовьется, если его ядро выдѣлится изъ себя широкій кругъ агентовъ, если онъ побѣдитъ, то ему суждено сы-

грамъ въ области мысли и слова почти ту же роль, какая принадлежала въ жизни—эпохѣ возрожденія... Какъ тогда ренессансъ пошелъ войной противъ вѣрожденія и мертвечины среднихъ вѣковъ, противъ фарисейства и инквизиторскаго насилия надъ свободой человѣка, надъ его индивидуальностью, какъ духовной, такъ и физической, такъ и современный ренессансъ въ искусствѣ—футуризмъ, выступаетъ въ грозѣ и бурѣ молодыхъ силъ противъ схоластицизма филологической и догматической культуры, противъ господства научности и академизма въ искусствѣ, противъ культа авторитетовъ и старцевъ, благодаря которому современное искусство вы-

рогилось въ гнилой, вонючій и нуг-
ный архаизмъ... И подобно тому,
какъ въ эпоху возрожденія, среди
средневѣковой безличности встре-
пенулся, взмахнулъ крыльями и за-
парилъ нагъ вселенной *человѣкъ*—
царь земли, единственный автори-
тетъ и единственное божество, во
всемъ потрясающемъ великолѣпіи
своей освобождающейся животно-
сти, такъ въ наши дни футуристы
на щитахъ борьбы своей воздвигли
единого и автономнаго челоѣка,
этимъ подчеркивая, что настало
время славы и чести личности и
только личности, проснувшейся отъ
мертваго сна въ коллективѣ, что
личность должна подчинить себѣ
и землю, и авторитеты, и абсо-

лютъ, что только въ самовла-
ющей божественности личности
смыслъ будущаго... Но въ то вре-
мя, какъ возрожденіе для собствен-
наго роста должно было вернуться
къ античности, стало воскрешать
старыхъ боговъ и погнало подъ
власть эллинской культуры,—для
футуризма нѣтъ прошлаго, онъ его
совершенно отвергъ и похоронилъ,
онъ сжегъ за собой всѣ мосты, онъ
долженъ будетъ сложить обломки
старой культуры на одинъ великій
костеръ разрушенія, и ему придет-
ся совершить то, что не въ силахъ
былъ сдѣлать до сихъ поръ чело-
вѣкъ, ибо на долю футуризма выпа-
ла нечеловѣческая задача творче-
ства изъ хаоса и мрака, творчества

изъ ничего... Въ этомъ абсурдность футуризма (въ обычномъ логическомъ смыслѣ), но въ этомъ же и его оригинальность и необычайность, ибо еще ни одинъ изъ литературныхъ ренессансовъ не отъваживался на безумную идею все-разрушенія и творчества изъ ничего.

Эти огненные рыцари безумія должны пройти отъ края до края земли творческимъ пожаромъ — и если не встрепенется и не оживетъ отъ этого застывшая и мертвая культура, то во всякомъ случаѣ ей придется прибѣгнуть къ стойкой защитѣ отъ этихъ неумолимыхъ мятежниковъ и поджигателей — и это столкновение бабушки культуры съ своими непокорными

и непослушными внучатами, представитъ интересное зрѣлище... Въгдъ это, что бы ни говорили, а все таки крайне любопытная, хотя, можетъ быть, и ребяческая — непослушность. Въгдъ не даромъ же эти — только что оторванные отъ ло-на кормилицы — культуры младенцы, почувствовали вдругъ отвращеніе къ питавшимъ ихъ сосцамъ. Только на грани вѣковъ, въ періодъ великой усталости, только послѣ безумныхъ сновъ о невозможномъ и несбыточномъ, возможно такое отчаянное возстаніе, такая неистовая мятежность и такое радикальное презрѣніе ко всему, что было и что есть... Не значитъ ли это, что мы пережили конецъ мі-

ровой, устали отъ конца и возлагаемъ всѣ надежды на будущій міръ — неизвѣстный, грядущій, въ которомъ преобразится жизнь, въ которомъ ничто не будетъ напоминать намъ объ ужасномъ кошмарѣ прошлаго? Не говоритъ ли это намъ о томъ, что настала пора освобожденія отъ призраковъ и обмановъ, отъ дряхлой лжи вѣковъ, отъ всего, что избило, изуродовало, унизило и развратило нашу душу и мысль, что міръ кончился, что нужно начинать жизнь сначала, гдѣ то — въ времени и пространства, въ первобытныхъ равнинахъ Адама, что нужно снова узнать эдемъ невинности, чистоты и мощи, что гѣтская радость съ нами и съ нами

солнце, что рождается въ насъ изъ безумныхъ звуковъ, изъ хаотическихъ формъ того, что раньше казалось бредомъ: — новый языкъ, новая мысль, новое, очищенное бурей, опрозраченное и омытое дождемъ пламеннымъ — грядущее, великолѣпное, достославное бытіе, бытіе человека — бога, человека — побѣдителя вселенной, человека — гиганта и творца?.. Можетъ быть золотая явь сбывшейся мечты фантастовъ и пророковъ коснулась горящими перстами нашей усталой души, изнемогшей въ страдальческомъ снѣ? Можетъ быть мы скоро проснемся?...



III.

Въ области искусства футуризмъ сыгратъ такую же роль, какую Ницше сыгралъ въ переоцѣнкѣ цѣнностей моральныхъ... Ницше произвелъ строжайшій смотръ цѣностямъ, но ни одну изъ нихъ ему не пришлось разрушить—и это потому, что въ немъ самомъ царила та самая мораль, которую онъ намѣревался уничтожить... Ницше не могъ освободить себя отъ лжи въ ковъ, эту ложь, ложь культуры и ложь морали рабовъ, онъ самъ носилъ въ себѣ, какъ вибріонъ. Но онъ поколебалъ многое, онъ сдѣ-

лалъ закваску—и новое поколѣніе, воспитанное на Ницше—уже не такъ болѣетъ врожденною трусостью передъ гряхлою ложью въ ковъ, оно несетъ съ собой новую жизнь и новыя понятія, оно свободно отъ гнета морализма и страха передъ идолами культуры. Что началъ Ницше, то оно должно окончить. Ницше поколебалъ зданья—теперь они должны рухнуть подъ напоромъ пламенныхъ легионовъ... Въ этомъ смыслѣ—футуристы—наслѣдники и продолжатели Ницше. Ницше—это ихъ духовное крещеніе. Идеалъ сверхчеловѣка, который былъ созданъ Ницше—футуристы стараются воплотить въ жизни. Ницше лишь мечталъ о немъ, они

же пытаются родить сверхчеловѣка не на бумагѣ, а въ жизни. Сверхчеловѣкѣ Ницше — мечта, новый свободный человѣкѣ футуристовъ есть не мѣѣ, а дѣйствительность, вотъ онъ уже рождается въ нихъ, этотъ человѣкѣ будущего, которому покорятся всѣ силы и законы природы, который ворвется въ жизнь изъ кошмара городовъ, сильный и мощный, отважный и безумно дерзкій...

Сходство футуристовъ съ Ницше и зависимость отъ него не поджигаютъ сомнѣнью... Какъ Ницше — они презираютъ всякій экстазъ, всякую мечтательность и сентиментальность въ человѣкѣ, считая это признакомъ слабости и культурной

немощи... Христіанская культура была, по мнѣнію Ницше, камнемъ преткновенія для сверхчеловѣка. Въ молитвѣ вѣковъ, уносящей людей отъ жизни, онъ видѣлъ безмѣнуземлѣ, декадансъ и вырожденіе, въ приверженности къ храмамъ и кумирамъ усматривалъ покорность слову, — футуристы заявляютъ: «литература восхваляла до сихъ поръ задумчивую неподвижность, экстазъ и сонъ. Мы желаемъ восхвалять наступательное движеніе, лихорадочную бессонницу, бѣглый маршъ, *salto mortale*, пощечину и кулакъ!». Ницше восхвалялъ борьбу, рыцарская кровь поляка горѣла въ немъ суровою жаждой побѣды и сраженій, наперекоръ европейскому безсилію

кретиновъ, онъ вѣщалъ, что нужно «быть готовымъ для войнъ и пиршествъ, а не хмурымъ мечтателемъ». Онъ говорилъ: «хорошо быть храбрымъ, благо войны освящаетъ всякую цѣль»... Футуристы также восхваляютъ борьбу, въ огненныхъ лапахъ носятъ они по равнинамъ своего творческаго безумія, и это сверхчеловѣкъ кричитъ въ нихъ, призывая къ священному дѣйству: «въ борьбѣ нѣтъ красоты. Не можетъ быть шедевромъ твореніе, не имѣющее агрессивнаго характера!» Болѣе того, они идутъ еще далѣе Ницше, который въ данномъ случаѣ разумѣлъ войну въ духовномъ смыслѣ, они восхваляютъ войну реальную, физическую, они

говорятъ: «мы должны прославить войну—единственную гигиену міра, мы воспоемъ громадную толпу, возстаніе во имя труда, наслажденія, или бунта, мы воспоемъ многоцвѣтные и многозвучные приливы и отливы революцій въ современныхъ столицахъ» (маниф. Маринетти).

Ненависть Ницше къ культурѣ была симптоматическимъ показателемъ рожденія сверхчеловѣка, которому культура не нужна, ибо она ложь, полная червей и разложенія, ложь, порабошающая человѣка и дѣлающая его игрушкой, паянцемъ и лакеемъ кумировъ, онъ говорилъ о культурѣ и о людяхъ культуры: «вы—полуоткрытыя ворота, у ко-



торыхъ жгутъ могильщики. И вотъ
ваша дѣйствительность: все сто-
итъ того, чтобы погибнуть!...
Онъ предпочиталъ этой культурѣ
первобытное звѣриное состояніе,
болѣе достойное сверхчеловѣка,
чѣмъ музеи, библіотеки, гробы по-
влеченные съ тлѣющими костями стар-
цевъ, эти холодные лазареты для
неизлѣчимо больныхъ, это царство
рахитичныхъ, чахоточныхъ, разжи-
женныхъ, бумажныхъ людей... Фу-
туристы отвергли всю культуру,
и такъ же, какъ Ницше—стремят-
ся отъ культуры къ первобытно-
му человѣчеству, мечтая «начать
міръ съ конца»... Всѣ написанныя
книги они должны уничтожить и
«сбросить съ парохода современно-

сти» геніевъ міра, ибо эти книги
извѣдены червями времени, ибо въ
нихъ уже умерла правда, а есть
только усталая ложь, всѣ слова
должны погибнуть, ибо «мысль из-
реченная есть ложь», а для абсо-
лютной правды слова непригодны
и мертвы, и какъ Ницше призывалъ
сдѣлать изъ книгъ великій костеръ
во имя гигиены духа, такъ футу-
ристы отшвырнули отъ себя эту
гнилую ветошь ненужныхъ словъ
во имя новаго творчества, съ ины-
ми, не этими средствами, а другими,
для которыхъ еще не наступило
время, во имя творчества изъ ни-
чего...

По мнѣнію футуристовъ совре-
менная культура есть культура по

преимуществу женственная, но женственность есть признак слабости и покоя, поэтому футуристы так презирают женщину и все, что связано с нею. «Ты можешь уважать женщин, сколько хочешь» — пишет Маринетти своему другу — Лучини, — «а для меня нет разницы между женщиной и матрацем». И в этом отношении футуристы напоминают Ницше, который, как известно, с спартанскою черствостью воина — питал презрение к женщинам, называя ее синонимом пустоты и поверхностности и советовал, идя к женщинам, запастись плеткой...

Футуристы ненавидят покой и инертность, в неподвижности они

видят причину застоя и тленья, движение, бег, суета, грохот городских улиц, рев автомобилей, визг паровозов, многоцветный муравейник толпы — вот поэзия и вдохновение футуристов, в этом тайна и признак их бунтарства, в этом ритм и натиск их безумного, пламенного блага к царству будущего... Любят к движению, пронизывающий ритм жизни, механичность, полет, стремление быть каждую минуту крылатым — как бы символизировать в футуризм его возрожденский дух, пытающийся сдвинуть землю с насиженного места, возносящий человечество к причастию будущего. И опять вспоминается

любовь Ницше к движению и ритму. Его сверхчеловек должен быть вечно прыгающим и танцующим—это первое к нему требование Ницше, он даже заявил, что мог бы увести лишь в такого бога, который умел бы танцевать; «я люблю быстрый бег» говорит Заратустра—«поднимайте сердца ваши, братья мои, выше, все выше! И не забывайте также ног! Поднимайте также и ноги ваши, вы, хорошие танцоры, а еще лучше: стойте на головах!». Заратустра учил, чтобы все тяжелое стало легким, всякое тело танцором, всякий дух птицею, в этом «альфа и омега его!».....

Цивилизованные варвары, напра-

вившие мечи свои против затхлых чертогов мира старого, разлагающегося и пошлого, молодые пираты, пускающие ко дну корабли с добычей в ковчег науки, культуры, — смелые, но безумные аргonautы, плывущие к заливам неизвестным, где водвором, где буря, где откровения в молниях и чудесах, — футуристы кажутся мне теми молодыми наследниками, о которых мечтал Ницше и о которых писал... Он сломал крылья — старый, опытный и угрюмый орел, но воть расправляют крылья молодые орлята и готовятся к страстно—безумному полету, и дух захватывает, глядя, как кружатся они, рья наг землю,

нагѣ городами, окутанными пурпурными мантиями пламени, нагѣ всѣмѣ, что должно погибнуть!.. Оттуда, изъ далекаго прошлаго, которые они дерзаютъ сжечь—несется имѣ во слѣдѣ божественный голосъ отца ихъ и пророка: «я велѣлъ имѣ опрокинуть старыя каедрѣ и все, на чемѣ только сидѣло это старое предубѣжденіе. Я велѣлъ имѣ смѣяться нагѣ ихъ великими учителями добродѣтели, нагѣ ихъ святыми и поэтами, нагѣ ихъ избавителями міра. Нагѣ ихъ мрачными мудрецами велѣлъ я смѣяться имѣ, и нагѣ тѣми, кто когда либо, какъ черное пугало, предостерегая, сидѣлъ на деревѣ жизни. На краю ихъ большой улицы гроб-

ницѣ сидѣлъ я вмѣстѣ съ пагалью и ястребами,—и я смѣялся нагѣ всѣмѣ прошлымъ ихъ и гнилымъ, развалившимся блескомъ его. Поистинѣ, подобно проповѣдникамъ покаянія и безумцамъ, изрекъ я гнѣвъ свой на все, что есть у нихъ великаго и малаго!..... И тогда летѣлъ я, содрогаясь, какъ стрѣла, черезъ опьяненный солнцемъ восторгъ,—туда, въ далекое будущее... туда, гдѣ боги, танцуя, стыдятся всякихъ одеждъ!».....

Если бы продолжилъ эту параллель, то рядомъ съ Ницше можно было бы поставить не мало другихъ писателей, сродныхъ съ футуристами и оказавшими на нихъ вліяніе. Американецъ Уитманъ, влюб-

блennyй въ города и шумъ поэтъ,
хвалящій безуміе вызова, хвалящій
первобытность въ человѣкѣ, его
орлиность, его мятежную волю,
Уитманъ, призывающій низверг-
нуть каноны искусства и полю-
бить крѣпость мускуловъ, упру-
гость и жиръ тѣла, лихорадочность
американизма. Уитманъ, восклицаю-
щій: «я Уитманъ, я космосъ», «я
божество и внутри и снаружи»—
могъ бы такъ же, какъ и Ницше,
считаться предвѣстникомъ футу-
ризма, равно какъ и Верхарнъ—
этомъ культурный варваръ, слив-
шійся съ каменной душой городовъ
современности во единое цѣлое...
Верленъ, стремившійся уничтожить
слово музыкой, Маллармэ, Оскаръ

Уайльдъ, могли бы также быть
причислены къ этому списку, но
для футуристовъ, презирающихъ
прошлое—все эти имена такъ же не-
навистны, какъ и все то, что пах-
нетъ гнилью вѣковъ, но эта нена-
висть священна, это ненависть ра-
ба, получившаго свободу и озлоблен-
наго на своихъ господъ.

Что же такое футуризмъ? От-
вѣтитъ на этотъ вопросъ крат-
кой формулой невозможно, во пер-
выхъ потому, что отвергая всякую
формулу,—футуризмъ не можетъ
быть заключенъ въ нее, а во вто-
рыхъ потому, что футуризмъ ши-
рится и развивается на нашихъ гла-
захъ, и то, что было вчера его ат-
трибутомъ, сегодня отрицается

самими же футуристами... Можно
выяснить общий абрис футуризма,
и тогда онъ выразится въ такомъ
- видѣ. Футуризмъ есть по преиму-
ществу направлѣніе въ искусствѣ,
ставящее своей задачей не только
уничтоженіе прежнихъ догматовъ
искусства, но посягающее на убій-
ство слова, какъ такового, бывша-
го доселѣ въ употребленіи, желая
на его мѣсто поставить вновь со-
творенное слово, соотвѣтствующее
запросамъ современности и бу-
-щаго.

Все старое должно погибнуть—
вотъ лозунгъ футуризма. Отсюда
отрицаніе культуры и ея храни-
лищъ, отсюда презрѣніе къ міро-
вымъ гениямъ и авторитетамъ. И

единственное, что сохранили футу-
ристы отъ культурнаго наслѣдія—
это техническія изобрѣтенія—ав-
томобиль и дерижабль, такимъ об-
разомъ *механичность* является глав-
нѣйшимъ атрибутомъ футуризм-
а. Выходя въ дальнѣйшей своей
программѣ изъ предѣловъ собствен-
но искусства, — футуризмъ есть
направлѣніе эго-центрическое и пра-
гматическое по преимуществу, такъ
какъ *человѣкъ*, личность *человѣчес-*
кая, его автономная воля, его свобода,
выдвигаются футуристами на пер-
вый планъ, а современность, съ ея чу-
довищными гигантами городами, съ
ея фабриками, паровозами, дерижаб-
лями, съ ея кровавой, жаркой, кош-
марной борьбой, гдѣ право сильного

—кулакъ и пощечина, — является почти главнымъ вдохновеніемъ футуристовъ, выводя ихъ изъ міра мечтаній и сновъ на арену дѣйствія, борьбы и кипучей интенсивности... Отъ культурности они стремятся къ первобытности, къ героизму первобытности; ихъ девизъ — мужество, антифеминизмъ, безумное дерзаніе, энергія, ихъ творчество есть уничтоженіе себя въ огнѣ. Назначеніе человѣка по футуризму заключается въ подчиненіи себѣ всѣхъ силъ и тайнъ природы, въ господствѣ надъ природой и ея законами. Человѣкъ долженъ научиться управлять стихіями, для него нѣтъ никакихъ препятствій, его воля должна послужитъ сред-

ствомъ къ поработенію себѣ тайнъ міра. Въ этомъ пунктѣ футуристы сходятся съ теософами.

Строительство будущаго на развалинахъ разрушеннаго міра, строительство изъ ничего, новою божественною волею человека-творца, — вотъ идеалъ футуризма.

Подобно Заратустрѣ, юные рыцари безумія несутся изъ тѣмны прошлаго на бѣшеныхъ коняхъ дерзновенія къ великому полдню. Ничего еще не сдѣлано, все еще только начато, все еще въ лохмотьяхъ и обломкахъ, въ отрывочности и неясности, и это потому, что вокругъ, на полѣ брани — «разбитыя скрижали, а новыя только наполовину исписанныя». И въ томъ, что

онѣ еще не написаны—все счастье футуристовѣ, ибо все написанное и все законченное должно въ свою очередь быти предано огню. Пусть же они бѣснуются—багряно безумные, пусть кипятятся, выкидываютъ утомительныя прыжки, паясничаютъ и озорничаютъ—только изъ бури и кипѣнія можетъ что нибудь возникнуть. И если даже ничего не возникнетъ, то эти молодые порывы, эти орлиныя взлеты, эта смѣлость и дерзаніе—всколыхнутъ насъ немного, дадутъ почувствовать, что мы не во снѣ, что мы живемъ. Такія направленія, какъ футуризмъ, обыкновенно не выливаются во что нибудь определенное, они только очищаютъ

путь, пробиваютъ дорогу, освѣжаютъ воздухъ. Когда гроза пронесется—всѣмъ легче станетъ дышать, можетъ быти, засмѣются надъ своими былыми ожиданіями, но зато почувствуютъ броженіе въ крови, весенній восторгъ, сознаютъ, что жить весело!.. Это особенно желательно въ настоящее время въ Россіи, гдѣ мертвый флеръ почилъ на всѣхъ, гдѣ уже не знаютъ, что такое жизнь, гдѣ загвѣхаются въ кошмарныхъ объятіяхъ смерти. Згвѣсѣ футуризму предстоитъ сыграть весеннюю роль новаго и желаннаго возрожденія... Згвѣсѣ безумные рыцари, мчащіеся на бѣшеныхъ коняхъ въ неизвѣстныя дали, своими восторженными криками, сво-

имъ безудержнымъ дерзаніемъ, своимъ огнемъ пылающимъ и неугасимымъ, бытъ можетъ, разбудятъ спящихъ, дадутъ имъ почувствовать жизнь...

IV.

Въ Россіи футуризмъ появился недавно, всего два-три года тому назадъ. Первое свое выраженіе это новое направленіе получило въ лицъ поэта Игоря Сѣверянина... Въ 1911 году образовалась ассоціація эго-футуристовъ, во главѣ которой стояли: Игорь Сѣверинъ, Константинъ Олимповъ, Георгій Ивановъ и Грааль-Арельскій. Этотъ кружокъ былъ первымъ ядромъ разросшагося и развившагося впоследствии футуризма. Въ его манифестахъ и граматахъ встрѣчаемъ программу новой школы, которая по-

томъ получила множество видо-
измѣненій, но въ основѣ сохрани-
лась во всѣхъ своихъ развѣтвлені-
яхъ... Лозунги этой новой ассоціаціи
таковы: въ основу творчества дол-
женъ быть положенъ индивидуа-
лизмъ и эгоизмъ. Человѣкъ, гово-
рятъ они—это эгоистъ. Человѣкъ
единъ и автономенъ, такъ же, какъ
единъ и автономенъ Богъ. Чело-
вѣкъ это раздробленіе (дробь) Бога.
Душа міра есть вѣчность. Родитъ-
ся значитъ быть оторваннымъ отъ
вѣчности, жизнь есть отгѣлен-
ность, оторванность отъ вѣчно-
сти, смерть—возвратъ къ душѣ
міра. До сихъ поръ люди мыслили
въ предѣлахъ логики и разума, фу-
туристы должны мыслить сверх-

разумно, они должны заглянуть въ
мучительно-темныя нѣдра невыра-
зимаго, невозможнаго, сверхжизнен-
наго и жизнь уничтожающаго, они
должны не останавливаться въ
мысленіи своемъ передъ безуміемъ,
ибо только въ безуміи возможно
послѣднее откровеніе. Мысленіе и
творчество должны стать инту-
итивными. Лишь въ интуиціи воз-
можно познаніе тайны и окрылен-
ность, граничащая съ вознесеніемъ.
Лишь въ безуміи и въ интуиціи
возможно утвержденіе индивидуаль-
ности. Творчество теософично по
существу, отсюда теософія пер-
выхъ эго-футуристовъ. Познаніе
невѣдомаго, выработка внутренней
силы, стремленіе покорить стихіи

и завладѣвъ тайнами, желаніе постичь міръ всесторонне, но не въ предѣлахъ только разума, а сверхразумно, не тремя, а четырьмя и больше измѣреніями—вотъ теософическій элементъ въ эго-футуризмѣ. Въ области искусства они признаютъ эго-призму, то есть индивидуальное переустройство законовъ искусства, стиля и риѣмы, а также «реставрацію спектра мысли». Единой непреложной истиной они считаютъ душу...

Таковы основныя тезисы программы первыхъ эго-футуристовъ. Эта программа, къ сожалѣнію, не нашла себѣ адекватнаго осуществленія, теорія оказалась ярче осуществленія, послѣднее же выразилось въ

творчествѣ лишь одного Игоря Сѣверянина. Этотъ поэтъ, печатающійся съ 1903 года и только теперь, своимъ сборникомъ стиховъ сгладившій себѣ извѣстность, считается первымъ русскимъ футуристомъ. Въ той, вышеупомянутой ассоціаціи эго-футуристовъ, существовавшей всего одинъ годъ и потомъ распавшейся по волѣ ея творца, этотъ послѣдній—Игорь Сѣверянинъ, былъ не только иголомъ, верховнымъ жрецомъ и «ректоромъ» по терминологіи футуристовъ, но также единственнымъ талантомъ. Талантъ Игоря Сѣверянина нѣсомнѣненъ, это уже признано всѣми критиками различныхъ направленій и журналовъ, начиная

съ самых авторитетных и кон-
чая фелбетонистами. Но въ дан-
номъ случаѣ одного таланта мало,
онъ является въ своемъ родѣ ре-
форматоромъ въ глазахъ футури-
стовъ, пророкомъ и магомъ, онъ, по
его же словамъ, «покорилъ литера-
туру», на него футуризмъ указы-
ваетъ, какъ на своего творца и пу-
теводителя. Въ чемъ же новизна
Съверянина? Дѣйствительно ли онъ
«покорилъ литературу», дѣйстви-
тельно ли онъ «литературный
мессія» и осуществилась ли имъ
хоть отчасти та блестящая
программа новой школы, которая
должна, по мнѣнію ея творцовъ, пе-
ревернуть весь міръ, зажечь новые
огни и водворить будущее въ насъ.

стоящемъ? Долженъ признаться, что
по моему мнѣнію—и въ данномъ
случаѣ эго-футуристская програм-
ма оказалась выше и богаче своего
осуществленія, а тѣ широковыс-
каленные лозунги ея, намъревающіеся
опрокинуть міръ и разбить ста-
рыхъ иголовъ, остались только на
бумагѣ. Я нисколько не умаляю ни
значенія Съверянина, ни его твор-
ческаго дара. Мнѣ радостно встрѣ-
тить въ немъ свѣжесть весны, ка-
кое то буйное, солнечное устрем-
леніе, какую то давно небывалую у
насъ, въ наши мертвые дни—смѣ-
лость, граничащую съ чисто амери-
канскою дерзостью, и все это нужно
поставить ему въ заслугу, теперь,
когда все застыло въ своихъ рамъ.

кахъ, когда литература пахнетъ мертвечиной, когда прежніе поджигатели и безумцы превратились въ мирныхъ, благодушствующихъ академистовъ, — теперь именно чувствуется назрѣвшая потребность въ взрывѣ, въ бурѣ и натискѣ, въ томъ жалящемъ и очищающемъ огнѣ, который гѣбаетъ изъ литературы мистерию, гѣйство, литургію, жизнь... Сѣверянинъ — первая ласточка грядущей весны, въ немъ воскресло давно уснувшее русское творчество, творчество дерзновенное, разрушающее устои, творчество переустройства и поворота, и въ немъ слабый опъзвукъ далекихъ, грядущихъ трубъ страшнаго Суда надъ скорческой, мертвой

и угасающей литературой. Но все же въ Сѣверянинѣ для меня важенъ лишь *духъ*, а не тѣло творчества, возможности, а не достиженія, устремленія и порывы, а не то, что онъ успѣлъ сказать... Въ немъ незримо присутствуетъ сила бурнаго потока, но не въ немъ она разразится грозой и огненнымъ дождемъ гибели...

Что же такое Игорь Сѣверянинъ? Это поэтъ Божіей милостію, поэтъ таланливый, но и только, и онъ и не думалъ кончать съ прошлымъ литературы, какъ этого хотѣтъ и добиваются футуристы, наоборотъ—это прошлое въ немъ, онъ имъ питается, онъ изъ него многое заимствуетъ, болѣе того,

это презираемое футуристами и ненавистное прошлое—превозносится и восхваляется Сѣверяниномъ въ лицѣ такихъ почтенныхъ и довольно обветшалыхъ стариковъ, какъ Фофановъ и Мирра Лохвицкая. Псалѣдніе даже считаются Сѣверяниномъ, по малю понятной причинѣ, предтечами футуризма... Кромѣ нихъ расцвѣли въ Сѣверянинѣ достаточно ярко Балъмонтъ и Брюсовъ, первый въ особенности. Въ поэзіи И. Сѣверянина много балъмонтовскаго, та же восторженная влюбленность въ солнце, та же беззаботность поэта, порхающаго съ цвѣтка на цвѣтокъ, ничего близко не принимающаго къ сердцу и ни нагъ чѣмъ глубоко не задумываю-

щагося, и о себѣ, какъ Балъмонтъ, Сѣверянинъ можетъ сказать: «хорошо мнѣ, я поэтъ», я въѣду только облачко,—видите, плыву!». Его признаніе въ этомъ отношеніи слишкомъ даже напоминаетъ Балъмонта:

Въ моей душѣ восходитъ солнце,

Гоня невзгодную зиму.

Въ экстазѣ иглопоклонца

Молюсь таланту своему.

Въ его лучахъ легко и просто

Вступаю въ жизнь, какъ въ листный садъ.

Я улыбаюсь, какъ подростокъ,

Пріемлю все, всему я радъ.

Ахъ, для меня, для беззаконца,

Одинъ дѣйствителенъ законъ:

Въ моей душѣ восходитъ солнце,

И я лучиться обреченъ!

Кто помнитъ балъмонтовское: «я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ

видѣтъ солнце»—тому это призна-
ніе Сѣверянина скажетъ, что передъ
нимъ поэтъ балъмонтовскаго типа,
поэтъ такой же сквозной, легкой,
порхающий и облачный, какъ и Балъ-
монтъ, а футуризма тутъ соб-
ственно очень мало, и если есть
онъ, то выражается слишкомъ скуд-
но и слабо... Въ И. Сѣверянинѣ
много сквозного золота, много воз-
душности и той граціозной, из-
нѣженной легкости, которая свой-
ственна французскимъ поэтамъ, онъ
даже не плыветъ, какъ Балъмонтъ,
онъ ритмично несется вверхъ, какъ
излюбленный имъ аэропланъ, его
рѣчь небрежно-утонченна, чуть
чуть сладка, мѣстами пряно-напы-
щенна, и онъ весь сиреневый, си-

ренъ въ немъ постоянно дѣшитъ и
сквозитъ, сиренъ въ немъ—лиловый
символъ весны и майской влюблен-
ности, онъ кокетливъ и нѣженъ,
какъ женщина,—и въ этомъ онъ
измѣнилъ анти-феминизму своей
школы... Его стихи—кружевные,
легкіе, какъ предутренній весенній
сонъ, его стихи, читаясь, таютъ,
какъ его «мороженое изъ сирени»,
послѣ нихъ остается волнующій
сиреневый ароматъ, но черезъ ми-
нуту этотъ ароматъ испаряется,
и вы забываете стихи, забываете
мысль стиховъ, потому что она
въ нихъ отсутствуетъ, и стихи
не *говорятъ*, а легко и прозрачно
звучатъ, прозвучатъ и замрутъ...
Странны вкусы Сѣверянина: онъ

восторгается музыкой Тома—этого бездарного инвалида и консерватора, онъ любитъ, даже обожаетъ такого средняго и никому ненужнаго поэта, какъ Фофановъ, и здѣсь опять мы видимъ расхождение съ программой футуристовъ, презирающихъ и безумно ненавидящихъ всякій литературный хламъ и намѣреющихся сбросить съ «парохода современности» не только Тома и Фофанова, но даже «Пушкина, Толстого и Достоевскаго»... Я не знаю прежнихъ «поэтовъ» Сѣверянина, печатавшихся въ футуристскихъ альманахахъ, но то, что я прочелъ въ его «Громокипящемъ кубкѣ», не обнаруживаетъ въ немъ большого новатора рѣшимаго, и я не понимаю, почему такъ ухвати-

лись за него футуристы, въѣвъ онъ любитъ, до подражанія, тѣхъ самыхъ литературныхъ иголовъ, которыхъ они хотѣли низвергнуть съ пьедестала, онъ любитъ Фета, Тютчева, Брюсова, Сологуба, всѣ эти поэты наложили на него свой отпечатокъ. Правда, Сѣверянинъ смѣлъ, и смѣлость его позволяетъ ему изобрѣтать множество новыхъ, иногда рискованныхъ, глаголовъ, производя ихъ отъ существительныхъ, его стихи то и дѣло пестрятъ такими то пріятно, то непріятно неожиданными ново-глаголами собственного производства, какъ «окалошить, омолошить, осупружиться, молоточить, оякорить, опринципить» и тому подобными... И если искать, въ

чемъ выражается «новизна» стиховъ Сѣверянина, то можно, пожалуй, сказать, что она—въ этихъ его самодѣльныхъ глаголахъ... Но и въ этомъ отношеніи Сѣверянина нельзя признать самостоятельнымъ, вѣдь онъ продолжаетъ здѣсь то, что начали В. Ивановъ и Брюсовъ, только у Иванова это выразилось гораздо ярче и интереснѣе...

Сѣверянинъ отчасти пантеистъ. Онъ любитъ природу, онъ не только любитъ ее, какъ поэтъ, онъ ее умѣетъ *понимать* въ своихъ стихахъ, настроенія природы получаютъ у него нерѣдко очень адекватное выраженіе, какъ напримѣръ этотъ четкій и почти пушкинскій рисунокъ осени:

Морозомъ вышитыя лужи
Хрустятъ и хрупки, какъ хрусталь,
Дороги грязно-неуклюжи,
И воздухъ сковываетъ сталь.
Какъ брегъ земли больной, туманы
Сердито ползаютъ въ поляхъ
И отстраганные обманы
Дымятъ при блескѣ лунныхъ бляхъ.

Здѣсь обнаруживается богатство живописныхъ средствъ, но то, что развѣ встрѣчено у И. Сѣверянина,—можемъ гораздо чаще встрѣтить у Брюсова и Сологуба, такъ что и это нельзя поставить въ заслугу поэту, отъ котораго ждешь чего то сслѣпительно новаго, небывалаго и ликвидирующаго окончательно съ прошлымъ. И опять съ грустью отмѣчаешь безумную мысль футуризма о строительствѣ

изъ ничего, оказывается, мы видимъ это на примѣрѣ И. Сѣверянина, параллельно стихамъ котораго можно поставить стихи другихъ поэтовъ, оказывается, что какъ ни презирай это ненавистное прошлое, а строить приходится изъ его обломковъ, заимствуя и пользуясь наслѣдствомъ предшественниковъ, или же, если не боишься насмѣшекъ и скандаловъ — выдумывать свой собственный, ни на что не похожій языкъ...

— Стремленіе къ примитиву и первобытности — другія оригинальныя свойства Сѣверина. Футуристы вообще ухватились за примитивъ, какъ за одно изъ средствъ спасенія, въ этомъ они находятъ

свой стиль, но нужно же знать, что и въ этомъ ничего нѣтъ новаго, примитивъ уже давно нашли себѣ кулѣмъ у Блока, еще въ первой книгѣ его стиховъ, правда — у футуристовъ примитивъ нашелъ болѣе богатую разработку, японскаго пошиба, но все же это старая погудка на новѣй лагъ... Что же касается первобытности, то эта основная черта футуризма, развитая не Сѣверинномъ, а его позднѣйшими послѣдователями — для самого Сѣверина послужила якоремъ спасенія не только отъ литературщины, но также отъ самаго эгофутуризма, съ которымъ онъ, послѣ недолгаго союзничества, распрощался такими словами:

Не ученикъ и не учитель,
Нагъ чернью властвовать уставъ,
Игу въ природу, какъ въ обитель,
Пѣтъ свой осмѣянный уставъ.
Игу туда, гдѣ вдохновитель
Моихъ исканій—говоръ хатъ.

V.

Послѣ выхода Сѣверянина изъ ассоціаціи эго-футуристовъ, послѣдняя чуть не погибла естественной смертію, но ей поспѣшили на помощь другіе смѣльчаки и рѣзари безумія, — и вотъ, вмѣсто распавшагося, возникаетъ новый союзъ эго-футуризма, объединенный вокругъ альманаховъ «Петербургскій Глашатай». Во главѣ этой ассоціаціи стоятъ: Ив. Игнатевъ, Павелъ Широковъ, Василискъ Гнѣдовъ и Димитрій Крючковъ... Они издаютъ новую грамату эго-футуризма,

которая гласитъ: I. Эго-футуризмъ —непрестанное устремленіе каждаго эгоиста къ достиженію возможностей будущаго въ настоящемъ.

II. Эгоизмъ есть индивидуализація, осознаніе, преклоненіе и восхваленіе «я».

III. Человѣкъ-сущность. Божество—тѣнь человѣка въ зеркалѣ вселенной.

Богъ—природа. Природа — гипнозъ. Интуитъ-медіумъ.

IV. Созиданіе Ритма и Слова.

Эта ассоціація эго-футуристовъ, возникшая въ началѣ 1913 года, отличалась довольно плодотворною дѣятельностью. Она выпустила девять альманаховъ, а также издала сборники произведе-

ній отдѣльныхъ поэтовъ, вообще изъ всѣхъ футуристскихъ организаций, эго-футуристы, объединенные вокругъ издательства «Петербургскій Глашатай» проявляли особенную кипучесть творчества... Въ то время, какъ Игорь Сѣверянинъ въ своихъ стихахъ мало чѣмъ приблизился къ программѣ бунтарской дѣятельности эго-футуризма, ассоціація «Петербургскій Глашатай» взяла на себя непосильное бремя осуществленія всей этой программы полностью... Мы знаемъ, какіе результаты дало это безумное дерзаніе, ставящее цѣлью достиженіе будущаго въ настоящемъ и созиданіе новыхъ формъ въ искусствѣ. Многое изъ этихъ

достижений послужило темой для всевозможных злостных выхонок со стороны критиков и фельветистов, над футуристами смѣялись что называется въ волю, их не щадили, и повторилось приблизительно то же самое, что и въ 1895 году, когда появленіе первыхъ русскихъ декадентовъ вызвало злобную и уничтожающую критику Михайловскаго и Влад. Соловьева... Замѣчательно, что методъ этой критики и ея приемы до того усвоились нашими журнальными цѣнителями искусства, что они ни на йоту отъ него не отступаютъ, и ихъ отношеніе къ футуристамъ точно такое же, какъ и ихъ учителей по отношенію къ первымъ декадентамъ... Но что

всего замѣчательнѣе—тѣ же самые декаденты, получившіе нынѣ силу и власть и почивающіе на лаврахъ академизма, такъ же презрительно отнеслись къ молодымъ бунтарямъ, какъ когда то къ нимъ ихъ противники, ничуть не подозревая, что футуристы—плоть отъ плоти ихъ, ихъ такъ сказать произведеніе, галнѣйшая формація. А вѣдь футуризмъ, какъ это признаютъ теперь сами его апологеты, это возрожденное декаденство, футуристы стремятся снова осуществить то, что только было начато декадентами, но мнѣ кажется что ихъ задачи, какъ это видно изъ вышеизложенной грамматики эго-футуризма, гораздо шире и ради-

кальнѣе... И вотъ, въ этой же ссылкѣ на декаденство, какъ на первообразъ, снова обнаруживается противорѣчіе въ теоріи футуристовъ: вѣдь они должны счесть за собой всѣ мосты, презрѣніе къ прошлому этого требуетъ, а они, вмѣсто этого—ссылаются на декаденство, сданное въ архивъ, то есть сами стремятся къ ненавистному и столь презираемому ими музею... Но футуризмъ вообще состоитъ изъ противорѣчій, въ этомъ, впрочемъ, не только его слабость, но и сила: это признакъ броженія молодой крови...

Принципъ эго-футуристовъ, по словамъ ихъ главы—И. Игнатъева—есть «борьба». Борьба противъ че-

го? Противъ «застывшихъ формъ искусства, противъ «конюшенъ» реализма», безличности и измелѣчания творчества, а главное—борьба какъ таковая; то есть бунтъ ради самого бунта... Вотъ именно это бурное кипѣніе въ крови рыцарей безумія важнѣе и значительнѣе всѣхъ программъ, лозунговъ и грамматъ, оно должно вызвать творчество, огонь, пожаръ и взрывъ, оно встряхнетъ литературой, оно пойдетъ напроломъ сквозь сонную огурь пошлости и мѣщанства, а это вѣдь самое главное и самое нужное... Все это доказываетъ, что мы у порога новой эпохи въ искусствѣ...

Крайній индивидуализмъ петербургской школы эго-футурис-

товъ отличаетъ ихъ отъ западнаго первоисточника. Въ Россіи вообще легко прививается всякая анархія духа и всякія крайнія направленія... У эго-футуристовъ есть свой предтеча—Достоевскій, но они не хотѣтъ признатъ этого, а въѣвъ весь эго-футуризмъ пронизанъ Достоевскимъ. И если эго-футуризмъ не замкнется въ узкія рамки искусства, а выйдетъ на широкую дорогу духа—то тутъ ужъ не избѣжатъ пути, проложеннаго Достоевскимъ. Въ этомъ пути и мимо его для анархистовъ духа нѣтъ исхода, и они должны вступить именно на этотъ путь, путь, въ которомъ погибаютъ всѣ возможные пути и начинается строитель-

ство изъ хаоса и безумія. Въѣвъ Достоевскій тоже строилъ изъ ничего, не разумомъ строилъ и не изъ человѣческихъ понятій, и путь Достоевскаго есть та же самая интуиція, которую футуристы такъ превозносятъ, какъ единственную форму творчества и познанія, и онъ былъ, какъ они—нигилистиченъ по существу, и въ немъ Люциферъ господствовалъ надъ богомъ добра и свѣта, Ив. Карамазовъ и Кирилловъ дошли тридцать лѣтъ тому назадъ до эго-футуристской истинны, что «божество—тѣнь человека въ зеркалѣ вселенной», только разница въ томъ, что у Достоевскаго страницы о Кирилловѣ и Ив. Карамазовѣ сама жизнь, само ге-

ніальное мученическое творчество, а у современныхъ его наслѣдниковъ больше рекламы и книжной изобрѣтательности, чѣмъ истиннаго, страдальческаго горѣнія... То, что эго-футуристами выдается за открытіе, давно уже было выражено у Достоевскаго въ слѣдующихъ словахъ: «свое собственное, вольное и свободное хотѣніе, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хотя бы даже до сумашествія—вотъ это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту»...

Дерзость футуристовъ, приглашающихъ столкнутъ съ парохода современности Достоевскаго, есть дерзость, конечно, неслыханная, но въ ней нѣтъ ничего геніальнаго, это просто безумное желаніе избавитъ-ся отъ всякой тѣни прошлаго, но эта тѣнь почтѣтъ на современности, несмотря на все бѣшенство новыхъ «дерзателей», и не будь Достоевскаго, не было бы и эго-футуристскихъ грамматъ, не было бы и русскаго декаденства вообще... Я этимъ не желаю поддерживать культа прошлаго и музейную атмосферу архаизма, мнѣ только приходится констатировать тотъ фактъ, что каждый шагъ эго-футуристовъ, который считается ими шагомъ вне-

редѣ, вызываетъ невольно ту тѣнь
прошлаго, отъ которой они жела-
ли бы отбѣлѣться, и при каждой
торжественно изрекаемой истинѣ,
за спиной «эго-футуриста» незримо
стоятъ то Ницше, то Достоевскій,
то Маллармэ, или кто нибудь дру-
гой изъ современниковъ... Впрочемъ,
дѣло то вовсе не въ этомъ, *а въ той*
внутренней, незримой, можетъ быть,
еще не совсѣмъ выраженной огнен-
ной волнѣ бури, которая бьется
внутри этого новаго теченія, дѣлая
его, что бы ни говорили—все таки
реформаціоннымъ по существу. Но
объ этомъ я скажу подробнѣе пос-
лѣ. Теперь же прослѣдимъ дости-
женія эго-футуристовъ.

Психологическая основа эго-фу-

туризма можетъ быть выражена
словами одной изъ великихъ тѣ-
ней прошлаго — Макса Штирнера:
«Ищите самихъ себя, станьте эго-
истами, и пусть каждый изъ васъ
обратится во всеильное «я»!»... Но
дѣятельность эго-футуристовъ не
есть философская, или метафизичес-
кая борьба, ихъ творчество не вы-
ходитъ изъ предѣловъ искусства —
и если эго-футуристы останутся
эстетамы, если тепличная атмосфе-
ра декадентскаго квіетизма не вы-
толкнетъ ихъ изъ тюрьмы слова,
какъ таковаго — то ихъ постигнетъ
преждевременная смерть. Люди, убѣ-
дившіеся въ смерти искусства, дол-
жны отвергнуть его совсѣмъ, долж-
ны выйти изъ предѣловъ словесной

жизни на темныя поля безумія, огинчества, подполья, религін, всего, что угодно, только не слова, которое есть смерть для всякой души и для всякой вѣры... Признавая эту истину, которую я подчеркнул въ концѣ моей первой книги *)—эго-футуристы однако не отблжны отъ чистаго искусства, и ихъ анархія есть больше разрушеніе старыхъ каноновъ *искусства*, чѣмъ—жизни... Такимъ образомъ, они стремятся къ оживленію трупа. Но какъ ни размалевывай и ни гальванизируй мертвеца, трупъ останется трупомъ!

Прошлое исчерпано—утвержда-

*) «Подполье».

ютъ эго-футуристы,—слово мертво, языкъ убитъ и опошленъ, нѣтъ средствъ для выраженія тайнъ души, каждое произнесенное слово теряетъ обаяніе таинственнаго, внѣсловеснаго и внѣмысленнаго творчества, которое предшествуетъ опошляющему акту слова, послѣднее становится только скучной и привычной ложью. Нужно творить новое слово, новый языкъ, новые методы искусства... Но какъ творить и изъ чего творить? Тутъ можетъ прийти на помощь только геній. Геній создастъ языкъ будущаго, понятный только немногимъ посвященнымъ, геній открываетъ новыя средства творчества и сразу же покончитъ съ традиці-

ми и авторитетами... Такого генія долженъ произвести XX вѣкъ, онъ, можетъ быть, выполнитъ то, о чемъ мечтали бузумцы слова, начиная отъ французскихъ декадентовъ и кончая Василискомъ Гнѣдовымъ, но пока у эго-футуристовъ генія нѣтъ, и если И. Сѣверянинъ взываетъ: «я геній Игорь Сѣверянинъ», то это звучитъ только литературно, то есть лживо... У нихъ даже нѣтъ порядочныхъ талантовъ, вотъ почему ихъ «созиганіе ритма и слова» производитъ такое мизерное впечатлѣніе. Въ этомъ отношеніи они уступаютъ русскимъ символистамъ. Если послѣдніе выковали новый языкъ, который теперь проникъ всюду, которымъ даже злоу-

потребляютъ газетные репортеры,—то это произошло благодаря талантности Брюсова, Вяч. Иванова и Андрея Бѣлаго... Футуристы подобными талантами пока не обладаютъ, и все, что сгѣлано въ этомъ отношеніи Игнатѣевымъ, В. Гнѣдовымъ и Александромъ Крученыхъ, не столько талантливо, сколько дерзко и безумно! И згѣсь теорія футуризма побѣдила самое творчество. Теорія эта пр красна, неоспорима, даже талантлива, згѣсь мысль Тютчева о лживости слова, идея Верлена о замѣнѣ слова музыкой—получили свое дальнѣйшее логическое развитіе. Вотъ какъ выражена эта теорія главой эго-футуризма—Ив. Игнатѣевымъ.

«Развѣ не ясна была для каждаго искусства агонія настоящаго, прошлаго и пошлаго? Развѣ всѣ не въ напряженіи къ послѣднему бѣнью пульса его? Искусство дня умерло. Умеръ Шекспиръ, умерла живопись, умерла литература. Умерла скопная жизнь. Люди, превратившіе искусство и жизнь въ жратву, хлопчутъ вокругъ пугающаго ихъ огра искусства (а затѣмъ и жизни),—но кислородъ, но возбуждающія снадобья ихъ лишъ ускоряютъ ждупный мигъ... Слово подошло къ предѣлу. Оно утонченно до совершенства. Запутанный клубокъ человѣчбихъ психо-пертурбацій разматывается младенчески легко на катушки современнаго словства... Когда человекъ былъ одинъ, ему

не нужно было способовъ сношенія съ прочими, ему подобными, существами. Человекъ говорилъ только съ Богомъ, и это былъ такъ называемый рай. Никто не знаетъ эту пору, но мы не знаемъ, будемъ ли и впредъ въ незнаніи ея. Человѣкомъ постигнуты земля, вода, твердь, но не вполнѣ. Раскроются они полностью—и неизвѣстное падетъ пронзеннымъ отъ меча узная, и можетъ быть вернется человеку потерянная горнестъ. Пока мы коллективны, общежители—слову намъ необходимо. Когда же каждая особъ преобразится въ объединенное Его—я, слова отбросятся самособойно. Одному не нужно будетъ сообщенія съ другимъ.*)

*) И. Игнатевъ. «Эго-футуризмъ».

VI.

ПоэтЪ эго-футуристЪ — ВасилскЪ ГнѣдовЪ — это крайній анархистЪ въ футуризмѣ. Въ своемЪ презрѣннѣ къ установившимся традиціямЪ и формамЪ искусства онЪ зашелЪ такЪ далеко, что съ нимЪ въ этой области никто не сравнится, даже А. КрученыхЪ... Съ головокружительною смѣлостію онЪ пишетЪ свои безумныя стихи на собственномЪ, ему только понятномЪ языкѣ, и посвящаетЪ ихЪ тѣмЪ, «кто глухъ и слѣпъ»... ЭтотЪ языкЪ представляетЪ одну непроглядную темъ іероглифовЪ, стихи,

написанныя на этомЪ языкѣ первобытныхЪ людей и сумасшедшихЪ, не подлежатЪ пониманію, и можетЪ бытъ, вся ихЪ прелесть въ томЪ, что никакой ВенгеровЪ не сможетЪ никогда ихЪ расшифровать... ИхЪ можно читать нараспѣвъ, и тогда получается впечатлѣніе, будто нѣтъ ни двадцати вѣковЪ культуры, ни человѣческихЪ понятій и тяжелой логичности, съ ними связанной, будто мы вернулись снова къ темному звѣриному раю, и языкЪ нашъ звѣриный, и еще царитЪ въ слабомЪ сознаніи бредовое очарованіе хаоса... Это особенно замѣчается въ томЪ, что не похожемЪ «шедеврѣ» Гнѣдова, который онЪ назвалъ «первовеликограмой». Эта

«первовеликодрама» «происходитъ
безъ помощи бездарей Станислав-
скихъ и прочая», и читается такъ:
«белябтавилючиъмохаиодроби
сѣчякабѣяпульсмиляетъбгадай
оснахъповеликайбустѣизъбосами
одназамотѣноодноичепраком
устѣеустѣпомешасигит
извилонизъдоѣмкипооянетьаликѣ
ивотѣнасукуположонистукайбѣкосма
то

ЗавивайЗавиввайпроносоияуайайнемо
ѣи
стойиспоѣнетзалежуетънасваяѣхду
пи.

Овотгѣбрословѣмореплавосива».

Гнѣдова, Игнатѣева и Крученыхъ
можно назватъ настоящими рыца-
рями безумія, непобоявшимися дове-

сти средства исполненія своей про-
граммы до настоящаго абсурда и
подлиннаго бреда. О Крученыхъ ска-
жу послѣ, теперѣ же останавлиусь
на Игнатѣевѣ... Какъ и его собра-
тѣя—Игнатѣевѣ хочетъ не только
оживитъ мертвое слово, но также
заставитъ его звучатъ, имѣтъ
цѣлѣтъ и даже вкусѣ... Онѣ хочетъ
«увидѣтъ звукѣ и услышатъ спек-
трѣ»... Творчество его такѣ же
безумно, какѣ и творчество Гнѣдо-
ва, онѣ разѣ навсегда порываетъ вся-
ческую связѣ съ творчествомѣ прош-
лаго, творчествомѣ логическимѣ, ос-
мысленнымѣ и общедоступно понят-
нымѣ, онѣ вступаетъ дерзко и смѣ-
ло на скользкіе пути алогизма, без-
темноты и слѣдного ощупыванія въ

провалахъ безумія какихъ то еле-
достижимыхъ, невозможныхъ, ус-
кользающихъ формъ. Имъ въ этомъ
процессѣ не владѣетъ вдохновеніе,
это ясно, онъ просто хочетъ зая-
вить своеволие, показатъ, какъ
можно писатъ «заумно» и не счи-
таясь со здравымъ смысломъ лите-
ратуры. Его проза сильно напоми-
наетъ мѣ записки и дневники оби-
тателей желтыхъ домовъ, которые
были опубликованы въ нѣкоторыхъ
психіатрическихъ книгахъ, но нуж-
но замѣтитъ, что у сумасшедшихъ
все же больше *духа* въ ихъ твор-
чествѣ, чѣмъ у Игнатѣва. Тамъ
безумное горѣніе, у Игнатѣва же
только «заумное» холодное и на-
мѣренное умничаніе... И въ безсмыс-

ленности можно уловитъ скрытый
смыслъ,—Игнатѣвъ же и Гнѣдовъ
пишутъ бессмысленно только за-
тѣмъ, чтобы поизгѣватся надъ
старыми формами, но они не даютъ
новыхъ, ихъ работа въ сущности
только разрушительная, они опро-
кидываютъ литературу вверхъ но-
гами, они изобрѣтаютъ фразы и сло-
ва, и бросаютъ ихъ въ одну, наро-
чно взбаламученную кучу, затѣмъ
все опять перемѣшивается и взбал-
тывается до тѣхъ поръ, пока не по-
лучится винигретъ, потерявшій всѣ
формы и всяческую *связь*,—и въ та-
комъ видѣ все это преподносится
читателю съ весьма характерною
просьбой: «бей, но *выслушай!*»...*)

*) Творчество Игнатѣва не столько

Для того, чтобы усилить впечатлѣнїе и такъ сказать выразить

безумно, сколько глубоко трагично по существу. Хотя онъ и взываетъ къ алогизму («Растай въ алѣющей химерѣ костявѣй полоскатель суевѣрій—мой умъ!»), но пожаръ безумія не коснулся его души. И это потому, что душа его была холодна и въ ней царилъ тотъ же самый ужасъ пустоты, который свойствененъ русскому творчеству вообще. Онъ призывалъ къ бунтарству, находясь въ футуристической маскѣ («Въ пропасть у кратера прыгайте! Взрогнетъ Время—ремесленникъ, бѣшенѣй забѣется Двигатель!»), но его футуристическая бодрость была только *маской*, онъ трагически копировалъ западный жизненный огонь, самъ же, въ душѣ былъ настоящий русскій пессимистъ — безпочвенникъ. Развѣ не служатъ доказательствомъ этого слѣдующія его слова:

невъразимое, Игнатѣевъ украшаетъ свои «опусы» нотами, алгебраическими знаками, «опусъ» же 45-й «предназначенъ» по словамъ самого автора, «исключительно для взиранія, а слушать и говорить его нельзя». Бессиліе творчества у Игнатѣева дошло до того, что въ одной изъ его книжекъ появилось сообщеніе въ траурной рамкѣ, гласящее: «въвиду технической импо-

«Почему не желая живу?
Почему умираю, живя?
Почему оживая умру?
Почему я—лишь я?
Почему я мое—вѣчный гидъ,
Вѣчный гидъ безъ лица?
Почему Безконечность страшитъ,
Безначальность конца?».

(„Эшафотъ“).

менции *opus* Игнатьева «Лазоревый Логарионъ» не можетъ быть выполненъ типо-литографскимъ способомъ»...

Стремленіе къ цвѣтному звучанію слова, вообще свойственное футуристамъ—находитъ себѣ разработку въ статьѣ одного изъ сотрудниковъ «Петерб. Глашатая» Всеволода Свѣтланова, озаглавленной «Символическая Симфонія». Згѣсь лингвистическія исканія футуристовъ выливаются въ опредѣленный канонъ. Символическая симфонія есть синтезъ звука и краски. Между гаммой музыки и живописи существуетъ, по мнѣнію Свѣтланова—«давно установленное наукой сходство». Авторъ преслѣдуетъ

идею выраженія музыки въ краскахъ и предлагаетъ для осуществленія этой идеи воспользоваться усовершенствованнымъ кинематографомъ...**) Игнатьевъ и его сотрудники также стремятся пригавъ слову звукъ, краску, и (даже вкусъ), для этой цѣли они вводятъ ноты въ текстъ своихъ произведеній. Все это лишній разъ указываетъ, въ какой зависимости находятся футуристы отъ символистовъ и ихъ лингвистическихъ исканій. Видно ясно, что и «лазоревые логарионы» Игнатьева, и символическіе симфоніи, и всѣ эти опусы, гдѣ слова

**) Подробно эта же мысль была развита Н. Кульбинымъ (въ сборникѣ «Студія импрессионистовъ»).

расположены съ особенными ухищреніями типографскаго искусства— все это не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе той «магін и алхиміи» словъ, которую начали Маллармэ и Рембо и закончилъ, доведя до абсурда, Рене Гиль... Рембо, еще въ то время, когда во Франціи господствовалъ натурализмъ, доказывалъ, что гласныя имѣютъ опредѣленный цвѣтъ (а имѣетъ чернѣй цвѣтъ, о—синій, у—зеленый, и т. д.) Рене Гиль вводитъ, подобно нѣмецкимъ романтикамъ, въ сочетанія гласныхъ съ согласными оркестровые инструменты... Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи «новизна» футуристическихъ реформъ внушаетъ подозрѣнія... Впрочемъ,

преемственнаго отношенія къ символистамъ эго-футуристы не отрицаютъ, по словамъ того же Игнатьева... Особенно въ начинаніяхъ этого рода нагъ футуристами царитъ Маллармэ. То, что футуристами считается новшествами, какъ напр. знаменитая страница съ однимъ только словомъ «поюй», стихотворенія Гнѣдова, Бурлюка, Маяковского, Крученыхъ, совершенно лишены смысла и содержанія, отсутствіе знаковъ препинанія, затѣйливые типографскіе фокусы и т. подобное—все это давнымъ давно прогдывалось Маллармэ къ ужасу критики и симулированному удивленію друзей... Всѣмъ извѣстно, что Маллармэ, такъ же, какъ и

современные футуристы, в своих стихотворениях, особенно послѣднего періода, отказался отъ всякаго содержанія и смѣсла, замѣнивъ послѣднее утонченной логикой словорасположенія, вѣ этихъ стихахъ мысль и идея совершенно отсутствуютъ, но за то грамматика и синтаксисъ достигаютъ ангея совершенства, чего между прочимъ нѣтъ у футуристовъ... И у Маллармѣ также попадались не только страницы съ однимъ, ничего не выражающимъ словомъ, но страницы совершенно пустыя, и у него отсутствовали знаки препинанія, и имъ были использованы всевозможные ассонансы, «анаколуфы, ломающіе фразу, эпитеты, согласованіе не

съ тѣмъ словомъ, къ которому относятся грамматически, всѣ метафорическія ухищренія и тому подобное». *) Такимъ образомъ, и вѣ чисто внѣшней техники своихъ произведеній эго-футуристы, желающіе во что бы то ни стало считаться незаконнорожденными, должны признатъ вѣ Маллармѣ своего родного отца, который та ой же ихъ несомнѣнный родитель, какъ вѣ области духа Ницше и Достоевскій... Къ чему приведетъ ихъ эта алхимія словъ, покажетъ будущее, пока же они недалеко ушли отъ образца...

*) см. статью Рене Гилъ о Маллармѣ («Вѣстникъ» 1908 г. книга 12.)

* * *

Принадлежащій къ эго-футуристамъ поэтъ Конст. Олимповъ, членъ ихъ первой ассоціаціи — въ своихъ стихотвореніяхъ ищетъ по стопамъ Сѣверянина. Его оригинальность выражается въ попыткахъ создать «аэропланную поэзію» съ треугольникомъ въ центрѣ, внутри котораго красуется магическое слово *Ego*, а по сторонамъ разбросаны какія-то кабаллистическія надписи... Въ немъ по временамъ чувствуются электрическіе токи той одержимой устремленности въвысь, которая у И. Сѣверянина слишкомъ пахнетъ литературой, а у Олимпова приобретаетъ металлическій звукъ реальности. Его алогичность

и уединенность иногда приобретаетъ лихорадочный отпѣнокъ, и тогда онъ не скрываетъ своей влюбленности въ то, что нормальные люди зовутъ болѣзнью. Въ слѣдующихъ стихахъ Олимпова замѣчается уклонъ въ область пророчесвеннаго безумія:

Я хочу быть душевно-больнымъ,
Чадной грезой у жизни облечься,
Не стора горѣть неземнымъ,
Жить и плакать душою младенца
Навсегда, навсегда, навсегда!

Нагоѣла стоустая ложь,
Утомили страданія душъ,
Я хочу быть душевно-больнымъ.

Нагъ землей, словно сволочный прочъ,
Въ суету улыбается Дьяволъ,
Давитъ въ людяхъ духовную мочь,

Но меня въ срадный агъ не раздавитъ
Никогда, никогда, никогда!

Я стихійнымъ эдемомъ гремучъ,
Ослабляю людское злосчастіе,
Я на небѣ, какъ молнія зрячъ,
На землѣ, въ облакахъ,—безъ помѣстья,

Для толпы навсегда, навсегда
Я хочу бытъ душевно-больнымъ.

У Олимпова попадаютъ недурныя
стихи, какъ напр.:

Тепло въ юнѣ, воздухъ чудный,
Подъ вечеръ грезитъ коростель
И пеленою изумрудной
Травы ослезена постель.

Вдали плыветъ надъ плоскогорьемъ
Завечерѣлый серпъ луны.
Въ слезахъ долина, точно въ горѣ,
Полна небесной тишины.

Селенѣ спитъ, душѣ не спится,
И чуда ждетъ—и мнится въ тишѣ:

Вотъ-вотъ примчится колесница,
Въ эдемы рая улешишь.

Пока объ этомъ поэтъ опредѣлен-
наго ничего нельзя сказать, онъ на-
ходится еще въ процессѣ роста...

Болѣе опредѣленно выраженъ Ди-
митрій Крючковъ. Но у него замѣт-
ное вліяніе Блока, проявившіяся въ
молитвенномъ обожаніи женствен-
ности, (снова въ пику анти-феминист-
скимъ тенденціямъ футуризма, но
нужно замѣтить, что въ этомъ от-
ношеніи грѣшатъ всѣ футуристы, за
исключеніемъ Игнатѣва и отчасти
Крученыхъ)... У Крюčkova впервые
встрѣчаемъ *религіозные* мотивы въ
творествѣ, и это опять говоритъ
въ пользу жизненности футуризма,
въѣдъ еще Новалисъ сказалъ, что «на-

стоящая анархія есть именно тотъ элементъ, изъ котораго возникаетъ религія». Истинный индивидуализмъ безъ религіи невозможенъ, и въ этомъ смыслѣ путь футуристовъ есть путь Достоевскаго, этого вѣчнаго двигателя міровой мысли и всѣхъ новыхъ направленій. У Крюкова «ко кресту, къ полювому кресту, торопливо бѣгутъ всѣ тропинки,—и лучи раннихъ звѣздъ невидимкой, посылаютъ моленія Христу». Примитивизмъ Блока и Жамма переплетается у Крюкова со всѣми религіозными устремленіями современности, и этотъ поэтъ, сплывшійся душой съ полями и лѣсами русской природы—повинуясь все тому же знакомому мистическому зову

—уходитъ въ келью, въ затворъ, въ уединеніе, полное лагана и цвѣтущей тишины, чтобы

Сладко слезами кропитъ и кропитъ
Ликъ Пресвятой и Божественной Дѣвы,
Вьющей золотую, блестящую нить.

Петербургскій эго-футуризмъ, какъ мы видимъ, въ корнѣ эгоистиченъ и теософиченъ, въ созиданіи ритма и слова идетъ по слѣдамъ символизма, съ уклонами въ безуміе и первобытность (Игнатъевъ, Гнѣдовъ), творческая работа его направлена къ возрожденію заветовъ декаденства и къ интуитивизму въ литературѣ и критикѣ....

VII.

Въ то время, какъ петербургскіе эго-футуристы не отрицаютъ своей зависимости отъ символистовъ,—Александръ Крученыхъ въ своихъ критическихъ статьяхъ и «манифестахъ» объявилъ открытую войну символизму. Въ своей статьѣ: «Новые пути слова», онъ заявляетъ: «прежде были жалкіе попытки рабской мысли возсоздать свой бытъ, философію и психологію (что называлось романами, повѣстями, поэмами и пр.), были стихи для всякаго домашнего и семейнаго употребленія, но *искусства слова* не было.

Крученыхъ громогласно заявляетъ, что «слово шире смысла». Его война имѣетъ цѣлю отринуть въ художественномъ произведеніи не только смыслъ, но даже всякій намекъ на него, по его мнѣнію литература до сихъ поръ занималась празднымъ дѣломъ, всякими не относящимися къ чистому искусству проблемами, больше думали о разныхъ вопросахъ духа, чѣмъ о стихахъ и риѣмоторчествѣ, и это привело къ тому, что «Пушкинъ ниже Тредьяковского, какъ поэтъ, Лермонтовъ обезобразилъ русскую поэзію, внесши въ нее этого смраднаго покойника и щеголя въ лазури, а Достоевскій въ своемъ герзаніи посягнулъ литъ на запятую

и мягкій знакъ»... Възвѣсивъ всѣ эти соображенія, Крученыхъ снова повторяетъ, что остается только одно: «сброситъ Пушкина, Толстого, Достоевскаго и проч. съ парохода современности, чтобы не отравляли воздухъ!..» Нужно сжечь всю русскую литературу, кромѣ былинъ и «Слова о полку Игоревѣ» и начинать создавать новый языкъ, слова и грамматическія правила. Нужно жить словомъ какъ таковымъ, внѣ слова нѣтъ жизни!.. Крученыхъ не заставляетъ долго ждать, онъ вмѣстѣ съ разрушительной работой занимается созиданіемъ, онъ уже написалъ нѣсколько стихотвореній на своемъ собственномъ языкѣ. Одно изъ нихъ, по словамъ са-

мого автора, болѣе національно и геніально, чѣмъ вся поэзія Пушкина и звучитъ такъ:

дѣр бул щѣл
убѣщур
скум
вы со бу
рлэз

Во всѣхъ этихъ замѣчательныхъ стихотвореніяхъ нѣтъ ни капли смысла, но это именно входитъ въ задачу Крученыхъ, такъ какъ обыкновенный, логическій смыслъ ему совершенно ненуженъ. Онъ открылъ новую истину, что «неправильное построение предложений (со стороны мысли и гранесловія) даетъ движеніе и новое воспріятіе міра, и обратно—движеніе и измѣненіе пси-

хихи рождаютъ странныя, «безсмысленныя» сочетанія словъ и буквъ». Поэтому—продолжаетъ Крученыхъ—мы расшатали грамматику и синтаксисъ, мы узнали, что для изображенія головокружительной современной жизни и еще болѣе стремительной будущей—надо по новому сочетать слова, и чѣмъ болѣе безпорядка мы внесемъ въ построеніе предложений, тѣмъ лучше». Творчество должно видѣть міръ съ конца, должно научиться постигать объектъ интуитивно, насквозь, и постигать его не тремя измѣреніями, а четырьмя, шестью и болѣе, нужно уничтожить бывшія до сихъ поръ въ употребленіи слова и выдумывать новыя, чисто русскія,

напримѣръ, вмѣсто слова университетъ—«всеучбище», вмѣсто слова драма—«дѣюга», и т. д. Хотя Крученыхъ и критикуетъ итальянскихъ футуристовъ, упрекая ихъ въ шарлатанствѣ и пустозвонствѣ, а о себѣ и о своихъ товарищахъ говоритъ: «мы торжественны», это только наивное игнорированіе своей собственной несерьезности. Именно въ немъ много непріятной игривости и школьничества, болѣе, чѣмъ у другихъ футуристовъ, а его стихи производятъ впечатлѣніе какого то безцеремоннаго вздора..... Кроме того, нужно замѣнить, что и самъ Крученыхъ такъ же, какъ его противники—эго-футуристы—воспринялъ относительно культа сло-

ва, какъ таковаго, методъ все того же Маллармэ, у котораго также слово постепенно изгнало изъ его стиховъ чувство, идею, логику и синтаксисъ... Но Маллармэ былъ талантливъ и въ его «заумномъ» творчествѣ былъ вкусъ, была красота, было уваженіе къ чуду словотворчества, а у Крученыхъ, Хлебникова и Маяковского, кромѣ самоувѣренности и желанія произгнаться надъ читателемъ, ничего нѣтъ... Въ своемъ отношеніи къ символизму Крученыхъ напоминаетъ акмеистовъ. Мотивы отрицанія символизма и у Крученыхъ, и у акмеистовъ одни и тѣ же, но акмеисты, если станутъ послѣдовательны, должны притти къ самому обнажен-

ному и мертвому реализму, путь же Крученыхъ и Маяковского приведетъ ихъ къ футуристическому парнасизму и бессмысленному жонглерству словами... Крученыхъ и его сотрудники — самое радикальное направление въ футуризмѣ, это гасители *духа* въ творчествѣ, это крайніе анархисты въ искусствѣ. Впрочемъ, даже товарищи Крученыхъ по сборникамъ неотгнѣлимы отъ *духа* символизма, такъ Лившицъ говоритъ, что сущность футуризма «не ограничивается словотворчествомъ, что это лишь средство преходящаго сегодня» (Дохлая Луна), а у Хлебникова представленіе о числахъ чисто символическаго характера,

напоминающее Мэтэрлинка... (тамъ-же)... *)

*) Въ Петербургѣ возникъ еще одинъ лагерь футуристовъ, отчасти родственнѣй кубо-футуристамъ, подъ названіемъ «Чемпіонатъ поэтовъ». Радикализмъ этой группы безудерженъ. «Пушкинъ—говорятъ они — золото, символизмъ—серебро, современность—тускломедная *Всѣдурь*, пугливая выявленіемъ Духа и жизни». Они также признаютъ, что человѣчество у мертвой точки, что міръ кончился, но стремленія «Чемпіоната» противоположны кубо-футуризму. Въ то время, какъ послѣдній заявляетъ, что важно лишь слово, какъ таковое (Крученыхъ), «Чемпіонатъ» идетъ противъ слова «поэтическимъ боксомъ», утверждая, что «слово сгнило въ слюнявой жевательницѣ Разума,» и что языкъ въ поэзіи=0. Они признаютъ лишь механичность, движеніе, энергетику, послѣдняя—

Крученыхъ является выразителемъ группы такъ называемыхъ *кубо-футуристовъ* или «Гилейцевъ» (издательство «Гилея»). Къ ней примыкаютъ: Бурлюки, Хлебниковъ, Маяковский, Кандинскій, Лившицъ. Это направленіе преслѣдуетъ задачи собственно западнаго футуризма и усердно повторяетъ воз-

для нихъ вдохновеніе. «Всѣдурь» по ихъ мнѣнію должна окончательно утонуть въ энергетикѣ. Во многомъ они приближаются къ акмеистамъ, на самомъ же дѣлѣ идутъ въ совершенно противоположную сторону, называя акмеизмъ «простодушіемъ бараньяго спага.» Къ слову и къ книгѣ «Чемпіонисты» относятся презрительно. «Использованная книга и колбасная кожа выметаются»—говорятъ они. «Чемпіонисты» замѣчательны тѣмъ, что въ то

гласы Маринетти и его друзей. Это они заявили о необходимости сбросить съ парохода современности Толстого, Достоевского и Пушкина. Они же приглашают бойкотировать «парфюмерный блуд Балмонта», «бумажные ламы воина

время, какъ всѣ футуристы, въ стихахъ подражая звѣринымъ голосамъ—въ критикѣ почему то объясняются общедоступной человѣческой рѣчью,—«чемпионисты» и въ «манифестахъ» своихъ вѣрны пресловутому «заумному» методу, который мѣстами изобличаетъ въ нихъ обыкновенную безграмотность, такъ что изъ всей ихъ рѣчи можно лишь понять, что «въ настоящее время они распылительно популярятъ боксъ» и что слѣдствіемъ этого явится на символической могилѣ Брюсова «поэтическая потаскунка!»...

Брюсова», «грязную слизь книгъ Леонида Андреева», это въ ихъ словарѣ вы найдете такіе эпитеты: «Пушкинъ — прославленный пошлякъ», «Чайковский—любимецъ писарей и кухарокъ»... Но они игнутъ еще дальше: они ненавидятъ не только стариковъ, но также и своихъ соратниковъ, они называютъ эго-футуристовъ «эго-блудистами», а московскихъ «мезонинистовъ» — пшютистами, вообще проявляютъ крайнюю нетерпимость къ своему же направленію. Они заявляютъ: «только мы—лицо нашего времени». Они унаслѣдовали отъ западныхъ футуристовъ ненависть къ женщинамъ, а также къ мировымъ геніямъ въ искусствѣ. «Не пось-

щайте музеев—взываютъ они—,
ибо это испортитъ вашъ вкусъ». *«Отвернемъ вчерашній день, его не было!»*—говорятъ кубо-футуристы. Особенно усердствуетъ въ этомъ отношеніи тотъ же Крученыхъ. Онъ является самымъ геростратнымъ изъ геростратствующихъ. Антифеминизмъ его беспощаденъ. *«Изъ неумолимаго презрѣнія къ женщинѣ и къ дѣтямъ»*—говоритъ онъ—*«въ нашемъ языкѣ будетъ только мужской родъ»*. Но онъ самъ же себѣ противорѣчитъ, такъ какъ нѣкоторые собственныя его стихи воспѣваютъ безумную любовь къ женщинѣ. Какъ напимѣръ:

Какъ трусишка, рабъ, колодникъ,

Ей бугъ преданнѣйшій сводникъ
И не лай!

Схорони надежды рано,
Чтобъ забыла сердца раны,
Помогай!

Позволяй ей издѣваться,
Видомъ гада забавляться,
Не пугай!

И тогда въ гога отрады
Жди отъ ней лакей наградъ,
Выжидай!

Поцѣлуй поймашъ жаркій,
Поцѣлуй *единый*, жалкій
И рыдай!

Ты отъ большаго сгоришь,
Пусть же будутъ вздохъ и тишь,
Не мѣшай!

Вмѣсто выставокъ картинъ, кубо-футуристы рекомендуютъ «открытъ музей народных вывѣсокъ и

лубковъ», чувствуется также презрѣніе къ труду въ искусствѣ, Крученыхъ совѣтуетъ поэтамъ писать на своихъ книгахъ: «прочитай, разорви!»... Сочиненія Крученыхъ и его сподвижниковъ безъ комментариевъ необъяснимы. Ихъ творчество всецѣло и вполне «заумно». «Наша бюджетная книга («Трое») имѣетъ нѣсколько кожъ, какъ трудно бюджетъ грызть насъ!»—радуется Крученыхъ. Блестящую, хотя и не лишенную ироніи, характеристику кубо-футуристовъ далъ К. Чуковский. Его теорія, что «гилейцы», или кубо-футуристы являются наследниками русскаго нигилизма — вполне раздѣляется мною. Ихъ бунтъ, бунтъ литераторовъ про-

тивъ литературы—мнѣ очень близокъ, по моему мнѣнію,—въ этомъ бунтѣ даже есть что-то надрывное, но опять повторяю — та замѣтная примѣсь гаерства, которая наблюдается у нѣкоторыхъ кубо-футуристовъ,—пачкаетъ *духъ* ихъ бунтарскаго творчества, и послѣднее не рвется къ небу, какъ поодобаетъ футуризму, а безсильно опускается въ болото... Безспорно, между ними наиболѣе смѣлъ и искрененъ все тотъ же Алекс. Крученыхъ,*) онъ

*) Удивительно хороша и тонко-ядовита его брошюрка «Чортъ и рѣчетворцы»... Згѣсь онъ подложилъ мину подъ всю русскую литературу, начиная съ Гоголя и кончая Сологубомъ. Это больше, чѣмъ сатира, и никто кажется (кроме раз-

идетъ напроломъ настоящимъ «боксомъ», но его бунтъ лишенъ духовнаго благородства, которое присуще Маринетти. Вліяніе послѣдняго на А. Крученыхъ не подлежитъ сомнѣ-

ннѣ В. В. Розанова) на нѣчто подобное не отважился бы!.. Тутъ всѣ наши «неприкосновенные» авторитеты и старцы осмѣяны, и осмѣяны зло, съ бѣшенствомъ вызова, съ огнемъ и злобой. Никого не пощадилъ безстрашный бюджетянинъ!.. Особенно пострадалъ Л. Толстой, Достоевскій и Сологубъ!.. Читая эту замѣчательную книжку, я простилъ А. Крученыхъ всѣ его «бухи лѣсиные» и «Взорвали!»... Вѣдь это же именно то, что, такъ нужно въ наше рабски-бездарное и бездушное время!.. Вѣдь это же та самая пощечина, въ которой такъ нуждается наша заплѣсневѣвшая «литературщина!» Нѣтъ, я вижу, что и Крученыхъ нуженъ!

нію. Грамматы Крученыхъ («Слово, какъ таковое», «Декларация слова» и др.), являются только слабой копией манифестовъ Маринетти. (Послѣдній за годъ до «декларации» Крученыхъ требовалъ въ своемъ замѣчательномъ манифестѣ упраздненія психологіи въ литературѣ и призывалъ уничтожить синтаксисъ и знаки препинанія)...

Изъ поэтовъ «Гилейцевъ» меня поразилъ Давидъ Бурлюкъ. Кромѣ несомнѣннаго таланта, въ немъ есть нѣчто, что слишкомъ много говоритъ моимъ личнымъ настроеніямъ и симпатіямъ, вотъ почему не могу не отмѣтить этого оригинальнѣйшаго поэта - *мыслителя* въ футуризмѣ... Какая тяжелая, огрубѣвшая

въ тупомъ проклятіи—усталость
дышитъ въ этихъ стихахъ и какъ
много въ нихъ отвращенія къ жизни
и тюремности!.. Какъ тускло, какъ
безотрадно и горько воспринимается
имъ міръ и какая каменная скорбь въ
этомъ понятіи—«жить!» Солнце у
него—*каторжникъ*, небо—*трупъ*, а
звѣзды—«черви, пѣяныя туманомъ!»...
Озлобленно смотритъ на природу
Д. Бурлюкъ, она у него грязная,
помятая, и усталая, и онъ не можетъ
написать ни одного стихотворенія
безъ какого нибудь тяжелаго руга-
тельства, или тупо-сквернаго эпи-
тета, больною бодростью хочетъ
оправдать кличку «футуристъ», но
даже его подбадриванія дышатъ
отравой («будемъ лопать *пусто-*

ту!»—сколько горькой немощи въ
одной этой безкрылой надеждѣ)...
А самъ изнемогъ, самъ источенъ
все тѣми же червями пустоты,
проклятія и одиночества, которыя
непонятны ни Маринетти, ни
футуристамъ (настоящимъ), въ
чемъ не побоялся и откровенно
признаться:

А я итти усталъ, и все мнѣ надоѣло,
И тотъ, кто днемъ былъ алъ, и то, что
было бѣло...

VIII.

Къ кубо-футуристамъ принадлежала, нынѣ уже покойная писательница—Елена Гуро. Объ этомъ удивительномъ дарованіи трудно сказать въ нѣсколькихъ словахъ, творчество этой нездѣшней, безумно-прекрасной души требуетъ отгѣльной статьи... Мы же приходимъ только ознакомить читателей съ ея обликомъ. Въ своей книгѣ рассказовъ: «Шарманка», Гуро находится на грани между мистическимъ реализмомъ и тѣмъ новымъ символизмомъ, къ которому она пришла впоследствии и кото-

рый толкнулъ ее къ футуристамъ. Душа утонченная до послѣдняго надрыва, влюбленная въ нездѣшное чудо, вся погруженная въ свои, никому недоступныя, бредовыя откровенія, постигающая сначала нутромъ, потомъ алогичными усилями, ту закрытую для насъ душу земли, то навѣки запечатанное и непостижимое, къ чему стремимся лишь въ рѣдкихъ расцвѣтахъ чуда... Въ этихъ рассказахъ Е. Гуро дошла до виртуозности въ томъ слѣпо ощущающемъ, проникающемъ насквозь постиженіи земляной тайны, которое граничитъ съ гениальной интуиціей... Она безумно любила свою родную землю—и земля цвѣла, колдовала, баюкала чарами въ ея раз-

сказахъ. Умѣла сливаться съ никому невѣдомой душой мебели, пустыхъ, старинныхъ комнатъ, двѣтскихъ и улицъ, предметы оживали подъ ея перомъ, перешептывались, сквозили темной своей жизнью... Въ своей драмѣ «Осенній Сонъ», Гуро возсоздала блѣдный очеркъ чароудья русской тайны—князя Мышкина, сколько любви и женственной глубины вложено ею въ этотъ образъ!.. Только одинъ Вячеславъ Ивановъ въ замѣткѣ, полной удивительнаго пониманія *тайны* Гуро, отмѣтилъ ея книжку, эта замѣтка (журналъ «Труды и дни», 1912 г. № 4—5) является ключемъ къ дверямъ творчества преждевременно угасшей поэтессы; быть можетъ,

она заставитъ полюбить чудно-безумную душу тѣхъ многихъ, которые такъ же, какъ она, печально и больно ищутъ внѣжизненнаго!

Послѣднія произведенія Гуро (въ сборникахъ «Сады Судей», «Трое», и друг.) это, можетъ быть, самое значительное, самое серьезное, что есть въ футуризмѣ. Здѣсь нѣтъ кривляній и выпадовъ кубо-футуристовъ, а есть лишь мучительное желаніе проникнуть въ неизвѣданныя бездны міра... Здѣсь символизмъ дошелъ до крайней своей черты, и хотя нѣкоторыя вещи еще отзываются Мэтрлинкомъ,—въ нихъ безспорная оригинальность и нѣчто совсѣмъ неожиданное по приемамъ и по формѣ...

Совершенно особый характеръ носитъ творчество футуристовъ московскихъ, объединенныхъ вокругъ альманаховъ «Мезонинъ Поэзии» съ поэтомъ Шершеневичемъ во главѣ. Въ ихъ настроеніяхъ царитъ Игорь Сѣверянинъ, но они свободны отъ крайностей футуризма, они какъ бы составляютъ его правое крыло. Они уже успѣли возвести сѣверянинскіе мотивы въ догматы, а сами открыто признаются въ любви къ романтизму, заявляя: «мы романтики болѣе, чѣмъ другіе, мы романтики отъ котелка до башмаковъ». Всѣ они влюблены въ Очаровательную Даму и грезятъ о ней чисто по блоковски, это — напуганные Пьерро, забавляющіеся

своимъ грутскимъ весельемъ, галантно-улыбчивые и слегка жеманные, весь ихъ футуризмъ выражается въ ассонансахъ и ново-глаголахъ по рецепту И. Сѣверянина, они и не думаютъ отказываться отъ прошлаго, наоборотъ — они даже влюблены въ это прошлое со всею нѣжностью юности... Они переругиваются съ Бурлюками и Крученыхъ, и вопреки послѣднему, заявляютъ, что «слово не есть только сочетание звуковъ, но въ немъ есть что-то неопредѣленное». Московскіе «мезонинисты» не столько футуристы, сколько собственно модернизированные романтики, вѣрные Блоку, но влюбленные также и въ И. Сѣверянина...

Среди нихъ выдѣляется даровитый поэтъ—Вадимъ Шершеневичъ. Это поэтъ еще очень молодой, начавшій печататься чуть ли не съ прошлаго года, но уже много написавшій. Въ его стихахъ замѣтно вліяніе И. Сѣверянина, и вліяніе это настолько сильно, что мѣшаетъ увидѣть настоящую фізіономію поэта. Но даже несмотря на зависимость отъ Сѣверянина, въ Шершеневичѣ есть много оригинальнаго и самобытнаго. Уже въ первой книгѣ «*Carmina*»—онъ обнаруживаетъ тонкій аристократизмъ въ пониманіи прекраснаго, въ любовномъ и строгомъ отношеніи къ риѣмъ. Въ послѣдующихъ книгахъ («Романтическая Пудра» и «Экстравагантные флаконы»), Шер-

шеневичъ уже яркій футуристъ, но въ его настроеніяхъ меньше сѣверянинской пошловатости, зато больше восемнадцатаго вѣка, утонченной галантности и чисто женственнаго кокетства... Словно видишь передъ собой, читая его стихи—изнѣженное лицо пажа, влюбленнаго не столько въ даму, сколько въ самого себя. Пажъ пресытился утонченностью влюбленности, усталъ отъ нѣжныхъ воздыханій и любовныхъ турнировъ, глаза его подернуты сладостной дымкой истомы и, легко скользя по паркету—онъ словно тае́тъ въ галантностяхъ и кошачьихъ ужимкахъ, но не чуждъ также и легкой ироніи и болтливости...

Напугренный и надушенный, по-
этъ любитъ мистику духовъ, на-
свщенныя огурбю женственности
будуары, маленькихъ, блѣдныхъ
дамъ, а также—Лафорга, которому
поклоняется, какъ иголу... Иногда
онъ любитъ погаерничать и не
прочъ даже «спѣтъ» «Miserere» на
мотивъ кэкъ-уока», и ему, какъ и
Д. Бурлюку, вѣдома пресвщенность
пустотой, но онъ не сбѣгаетъ изъ
этого трагедіи, а забавляется ханг-
рой, обладая секретомъ превращать
всякое настроеніе въ стихъ. Для
него форма—это все, и внѣ формы
нѣтъ искусства, этой фанатиче-
ской преданностью формъ Шерше-
невичъ напоминаетъ французскихъ
декадентовъ, въ этомъ смыслѣ

онъ больше декадентъ, чѣмъ фу-
туристъ... Въ слѣдующемъ стихо-
твореніи—абрисъ В. Шершеневича:

Вы воскресили «Oiselaux de Chypre» въ Ва-
шемъ
Наивно—голубомъ съ фонаремъ будуаръ,
И снова въ памяти моей пляшутъ
Духовъ и ароматовъ смятыя арии.

Вы пропитаны запахомъ; въ Вашихъ брас-
летахъ
Экстравагантныя флаконы парижскихъ бла-
говоній...
Я вспоминаю паруса Клеопатры лѣтомъ,
Когда она выѣзжала на *rendez-vous* съ Ан-
тоніемъ.

Аккорды запаховъ... Въ правой рукѣ фіалки,
А въ лѣвой, какъ басы, тяжелый мускусъ...
Маленькая раздѣтая! Мы ужасно жалкіе,
Оглушенные музыкой въ будуарѣ узкомъ.

Кружатся въ глазахъ потолокъ и двери...

Огоньки, какъ котята, прыгаютъ на диванахъ...

О, кочующій магазинъ парфюмерій!..

О, Галлія, балъзамированная Марціаломъ!

Шершеневичъ не только поэтъ, но также критикъ и переводчикъ. Онъ удачно переводитъ Рильке, Гейне, Верлена и Лафорга. Онъ—авторъ теоретической книжки о футуризмѣ («Футуризмъ безъ маски»), въ которой съ чисто брюсовской намбреной сухостью представлена картина возникновенія и развитія футуризма. Вообще можно сказать, что В. Шершеневичъ—живое доказательство того внутренняго противорѣчія, которое характеризуетъ футуризмъ: въ этомъ поэтѣ совершенно отсутствуетъ варварс-

кое презрѣніе къ прошлому и къ культурѣ, которымъ такъ гордятся футуристы, наоборотъ, Шершеневичу свойствененъ даже нѣкоторый переизбытокъ культурности...

* * *

Отчасти примыкающій къ этой группѣ поэтъ Рюрикъ Ивневъ—рѣзко отличается отъ всѣхъ русскихъ футуристовъ. Въ его сборникахъ стиховъ: «Самосожженіе» есть несомнѣнно что-то пророчесственное, какой то безумный экстазъ самораспятія, какое то бурное, лихорадочное желаніе взойти на костеръ, сжечь себя въ огнѣ мукъ и страданій, преобразиться въ огнѣ и въ пламени огненномъ взле-

мѣмъ въ вышину безмѣрную... Въ
его стихахъ багрянтя жала огней
лизутъ молитвенно возносящуюся
душу. Онъ вкусилъ тайну сладост-
ную крестной боли, онъ знаетъ
тихую свою, пламенную истину,
что нужно «отряхнутъ бремя жи-
зни разомъ и губами къ огню приль-
нутъ», нужно сгорѣмъ до тла въ
страданіяхъ земли, въ порывахъ без-
мѣрныхъ, въ одиночныхъ скитані-
яхъ!.. Въ сѣрые тусклые дни все-
общаго умиранія, постылой жизни,
увядшихъ душъ, какъ радостно,
какъ блаженно звучитъ этотъ го-
лосъ—и какъ яро, какъ пышно ог-
невѣетъ духъ въ кровавыхъ клу-
бахъ желанной, близкой, безумной
зари:

Я вѣрю въ твою очистительность, Горя-
щій, Палящій Огонь,
Въ пронзительность вѣрю твою я, молю
я, мнѣ душу затронь:
И искры не меркнувшей Истины вложи на
мгновение въ кровь!
И Духъ мой да будетъ очищенный, и
вспыхнетъ, и встанетъ любовь.
Я вѣрю въ твою очистительность, Горя-
щій, Палящій Огонь.
Разсѣй же безумныхъ сомнительность, и
душу, и сердце затронь!

Сквозь огненную боль восторга
Рюрикъ Ивневъ, вмѣстѣ съ Крюч-
ковымъ, входитъ въ храмъ. Его
храмъ одинокъ и блажененъ тоской,
его храмъ на самомъ краю жизни,
тамъ, гдѣ кончается разумъ и кон-
чается крестная мука, расцвѣтая
алою розой люсви. И безумно рас-
крытыми глазами онъ смотритъ въ

лицо своего невидимаго и ненайден-
наго Бога—и ему больно, и ему
нѣжно, и ему страшно и свободно
въ огнѣ великомъ, въ огнѣ жерт-
венномъ и очищающемъ... И онъ мо-
лится:

Тебѣ, Создатель, я молюсь,
Молюсь, какъ рабъ нѣмой, покорный.
Сегодня я, какъ татѣ плетворный,
Но завтра я преобразусь.

Тебѣ, Создатель, я молюсь.
Молюсь! Дрожитъ и поетъ тѣло.
Молитва новая созрѣла,
И я, какъ ангелъ, вознесусь.

Сгоритъ, какъ хламъ ненужный тѣло,
Но духъ надъ міромъ воспаритъ.
Пусть плоть и кровь въ огнѣ горитъ:
Душа моя заголубѣла.

И какъ онъ понимаетъ страдаль-
ческій пунѣ духа, какъ онъ любитъ

гвозди креста и алую, алую кровь
въ безднахъ надрыва, и молящѣ,
безсилъно пѣяныя поцѣлуй, въ ко-
торыхъ душа бездонно отгадывается
Палачу усталому и нѣжно убій-
ственному!.. Какъ покорна душа
распинающему и изводящему гол-
гоескому чужу, какъ нѣжна и во-
сторженна пѣснь у алтаря жесто-
каго Карателя, имя котораго тайна.
милость котораго—бичъ!..

Я ненавижу тѣло бренное,
Я сердце злое не люблю.
Пусть жизнь беретъ меня аренная,
Молчу. Прощенія молю.

И свистъ бича, какъ обжигающій,
Какъ изнуряющій огонь.
Вотъ я,—больной и умирающій,
Цѣлую бѣлую лагуну.

Во мнѣ смѣется сердце грубое,

Во мнѣ поетъ шальная кровь,
Картонныя цѣлуютъ губы я
И нарисованную бровь.

Горитъ, горитъ свѣча недвижная,
Сильна прижатая рука.
Ахъ, нѣтъ, не выдуманно—книжная
Моя зажженная тоска.

Я ненавижу тѣло сочное,
Изгибы рукъ, изгибы ногъ,
И вотъ сознательно, нарочно я
Свое мученіе зажегъ!..

Въ Рюрикѣ Ивневѣ зажигается *фелиция* футуризма, въ немъ нагрѣтая и пылающая «осанна!», въ немъ мостъ между сегодня и завтра, воздвигнутый надъ костромъ страданья и изступленнаго оргазма духа!.. Это самый талантливый, потому что самый живой и горящій духомъ пѣвецъ футуризма—и если бы у нихъ

было больше такихъ огненныхъ и неистовыхъ поэтовъ,—они бы зажгли огнемъ неугасимымъ и возрождающимъ нашу гнилую литературу

IX.

Что же новаго далъ русскій футуризмъ въ искусствѣ? Мы видѣли, что стремясь выйти изъ рамокъ символизма и открыть совершенно новыя міры—русскій футуризмъ или невольно повторяетъ приемы того же символизма, или же изобрѣтаетъ бредовый, «заумный» языкъ, но и въ послѣднемъ случаѣ згѣсь, собственно, мало новаго, такъ какъ «заумныя» рѣчи футуристовъ сильно напоминаютъ плоды крайняго декаденства...

Все, созданное до сихъ поръ русскими футуристами—естъ лишь от-

чаянное стремленіе побѣдить литературу. И въ этомъ отношеніи они несомнѣнно кое чего достигли. Ихъ писанія гѣйствительно не похожи на литературу, литературы згѣсь нѣтъ, футуризмъ естъ кратковременный отдыхъ отъ литературной пошлости и вмѣстѣ съ нѣмъ—начало какого то новаго, еще неизвѣстнаго творчества.

Но для меня важно совсѣмъ не то, что далъ русскій футуризмъ и чего не далъ, для меня гораздо важнѣе тотъ духъ, та бѣшено несущаяся волна, та мятежность, которыми проникнуто это новое направленіе. Вотъ почему я сочувственно отнесся къ его теоретической части и остался мало удовлетво-

ренъ ея осуществленіемъ. Хотя многое въ теоріи футуризма, особенно западнаго, мнѣ чуждо, даже противно (какъ напр. культъ современной техники, всѣхъ этихъ автомобилей, геризаблей, кинематографовъ и прочей пошлости, которая именно прежде всего должна погибнуть), но есть въ этой теоріи нѣчто, что для меня важнѣе всего, что и возбудило во мнѣ интересъ къ футуризму. Это: безумная апологія личности, крайній индивидуализмъ, дерзающій, огненный, острый, подобный раскаленному мечу, пронзающему застывшую мерзость нашихъ дней херувимской молніей; ненависть къ авторитетамъ и старческому хламу, превращающему порывъ мыс-

ли въ злчное цвѣтеніе мертвой лжи; адогматизмъ, безстрашныя стремленія къ неизвѣданному и желаніе поставитъ новый храмъ надъ бездной временъ, наперекоръ всему міру!.. Эти элементы составляютъ, по моему, важнѣйшую сумъ футуризма, въ нихъ послѣдній является бѣшеной, геростратовской вспышкой, пламеннымъ импульсомъ къ *творчеству*. И этотъ порывъ къ творчеству, этотъ весенній зеленый шумъ, несущійся къ намъ съ Запада сквозь упругія тѣла молодой Россіи—является вѣстникомъ возрожденія для нашего времени. Теперь, когда смерть—содержаніе дней нашихъ, когда смерть—символъ всей нашей захудалой и пустой жизни,

футуризмъ можетъ и долженъ
влиять въ истощенныя жилы совре-
менности бурную кровь новой жи-
зни... Назначеніе футуризма —
побѣдитъ смерть русскаго твор-
чества. Онъ долженъ засыпать мо-
гилы душъ багряно пыльными цвѣ-
тами, и на нихъ отпраздновать буй-
ную, полную пьянаго веселья, вызо-
ва и безумія — весеннюю вакхааллію!..

Трудно и бесполезно говорить
о будущемъ футуризма, о тѣхъ
формахъ, въ которыя онъ со време-
немъ можетъ вылиться. Тутъ ему
не избѣжать, я думаю, въ концѣ
концовъ, въ свою очередь, того же
академизма и пошлой благонамѣрен-
ности, противъ которыхъ онъ

такъ горячо ополчается нынче... Да
у такихъ направленій, какъ футу-
ризмъ — и нѣтъ будущаго, а есть
лишь настоящее. Это sturm und drang
минуты, это граната, разрывающая-
ся отъ безумнаго напряженія всѣхъ
творческихъ силъ, а отъ нея, бѣтъ
можетъ, ничего и не останется,
развѣ лишь дымъ, да мгновенно по-
тухающій огонь!.. Но задача футу-
ризма не въ томъ, чтобы созидать,
а въ томъ, чтобы разрушать, уни-
чтожать и жечь то, что въ искус-
ствѣ и въ мысли убило духъ, уби-
ло творчество и индивидуальность,
то есть: рутину, академизмъ, из-
мельчанье, гнилой догматизмъ и ли-
тературную ложь.

Можетъ бѣтъ, достиженія фу-

туристовъ тусклаѣ ихъ теоріи, можетъ бытъ, они достигли совсѣмъ не того, чего хотѣли достигнуть. Все это не такъ ужъ важно. Цѣнно въ этомъ, во всякомъ случаѣ, — удивительномъ направленіи лишь одно: его дерзкая смѣлость и его безумная мечта... И за эту бѣшеную дерзость, за этотъ рыцарскій вызовъ міру, можно простить футуристамъ всѣ ихъ ошибки и недостатки... И не то въ нихъ замѣчательно, что они плохіе литераторы, а то, что они не побоились заявить неслыханное своеволие и пошли пламенной ратью противъ міровой лжи, противъ жизни и ея желѣзныхъ законовъ!

Огненными крыльями зашумѣли

они нагъ земель, нагъ человѣческимъ стагомъ. Молніеносной зарею вспыхнулъ ихъ творческій бунтъ... Море смѣха и тупости преградило имъ путь, тяжелыя тучи сгустились предъ ними грозой...

Но безстрашно напираютъ на косную массу безумные легіоны.

Врѣзавшись острымъ напоромъ въ мертвое тѣло культуры — звонко бросаютъ молодые пираты старому міру свой гордый кличъ:

...Дерзновенной атаки
Возводимъ довлѣющий столпъ
Для себя,
Чтобы рушить вождельбно
Неизмѣнный
Миръ бытвѣ!

(Ив. Игнатъевъ).

4 Декабря 1913 г.
Кіевъ.

„МОГИЗ“ № 9
к. 3 р.

1757

22

Г. ~~рубель.~~

Книжный магазин
№ 3
Цена
№ 1757/9

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:

- 1) Главный складъ—въ магазинъ Леона Идзиковскаго (Кіевъ, Крещатикъ, 29)
- 2) въ магаз. Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ, 33).